

НА СЛУЖБЕ

Роберт Гэлбрейт
заявил о себе как новый,
свежий голос
в жанре детектива.

Wall Street Journal

ЗЛА

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЗОВ КУКУШКИ» и «ШЕЛКОПРЯД»

Annotation

Робин Эллакотт получает с курьером таинственный пакет – в котором обнаруживается отрезанная женская нога.

Ее начальник, частный детектив Корморан Страйк, не так удивлен, но встревожен не меньше. В его прошлом есть четыре возможных кандидатуры на личность отправителя – и каждый из четверых способен на немыслимую жестокость.

Полиция сосредоточивает усилия на поиске одного из этих четверых, но Страйк чем дальше, тем больше уверен, что именно этот подозреваемый ни при чем. Вдвоем с Робин они вынуждены взять дело в свои руки и погрузиться в пучины исковерканной психики остальных троих подозреваемых. Но таинственный убийца наносит новые удары, и Страйк с Робин понимают, что их время на исходе...

«На службе зла» – дьявольски увлекательный роман-загадка со множеством неожиданных сюжетных поворотов, а также – история мужчины и женщины, пребывающих на перепутье как в профессиональном плане, так и в том, что касается личных отношений.

Роберт Гэлбрейт

На службе зла

* * *

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.

The Seattle Times

Корморан Страйк одним своим появлением полностью захватывает воображение читателей... Талант Гэлбрейта проявляется в том, как он описывает жизнь Лондона и как создает нового героя.

Daily Mail

За спиной у Страйка – героическое прошлое. Он и сейчас то и дело проявляет героизм, хотя совершенно к этому не стремится. Внебрачный сын стареющего рок-идола, он никогда не пользовался теми благами, какие достаются его сводным братьям и сестрам... Он много размышляет, но это получается у него совершенно органично. У Страйка огромный потенциал. Было бы преступлением не обратить на него внимания.

Daily News

Страйк и его ассистентка Робин (играющая ту же роль, которую Саландер играла для Блумквиста в книгах Стига Ларссона) становятся настоящей командой, чьих дальнейших приключений читатель будет каждый раз ждать с нетерпением.

New York Times

Невероятно увлекательный сюжет, основанный на трогательных взаимоотношениях. Книга проглатывается залпом.

The Telegraph

Чрезвычайно сильная история... «Зов Кукушки» оказался визитной карточкой для целой серии романов и напомнил мне, почему я в свое время без памяти влюбилась в детективный жанр.

Вэл Макдермид

(Guardian)

Откладывать эту книгу было сущей мукой – так мне хотелось знать, что будет дальше. Гэлбрейт – мастер психологического портрета, герои романа вставали передо мной как живые. «Зов Кукушки» – моя новая любовь, а Гэлбрейт – выдающийся новый талант.

Питер Джеймс

(Sunday Express)

Детектив, от которого невозможно оторваться.

Financial Times

А вот и лучший переводной детектив сезона, и не только из-за сногсшибательной интриги – уровень рассказчицкой культуры очень высок: трехмерные, врезающиеся в память персонажи, отличные диалоги, остроумные авторские комментарии.

Афиша Daily

Посвящается Шону и Мэтью Харрисам: это посвящение можете использовать по своему усмотрению, но только – только – не для окраски бровей

*I choose to steal what you choose to show
And you know I will not apologize –
You're mine for the taking.*

I'm making a career of evil...

Blue Öyster Cult. «Career of Evil»

Lyrics by Patti Smith^[1]

This Ain't the Summer of Love^[2]

Полностью отмыться от крови так и не удалось. Под ногтем среднего пальца левой руки круглой скобкой темнела тонкая линия. Он принялся ее вычищать, хотя одним своим видом она напоминала про вчерашний кайф. С минуту он безуспешно пытался ее отскрести, а потом, сунув палец в рот, попробовал высосать. Твердый как железо коготь еще отдавал запахом струи, которая неудержимо хлынула на кафельный пол, обрызгала стены, пропитала его джинсы и превратила персикового цвета махровые полотенца – пушистые, сухие, аккуратно сложенные – в кипу окровавленной ветоши.

Сегодня утром все цвета сделались как-то ярче, мир стал прекраснее. Пришло спокойствие, настроение поднялось, как будто он вобрал ее в себя целиком, как будто перелил в себя ее жизнь. Когда убиваешь, все они переходят в твою собственность: даже секс не приносит такой полноты обладания. Чего стоит один их вид в момент смерти – получаешь такие ощущения, каких не способна дать близость двух живых тел.

С приятным волнением он размышлял, что ни единой душе не известно о его делах и планах. В покое и довольстве, посасывая средний палец, он прислонился спиной к стене, нагретой неярким апрельским солнцем, и не сводил глаз с дома напротив.

Дом отнюдь не шикарный. Обыкновенный. Спору нет, он комфортней, чем та конура, где засыхало в черных мешках для мусора вчерашнее окровавленное тряпье, ожидавшее сожжения, а за трубой под кухонной раковиной поблескивали принесенные им ножи, отдраенные с отбеливателем.

У дома напротив был обнесенный черной оградой садик с довольно запущенной лужайкой. Две белые входные двери, едва ли не вплотную одна к другой, указывали на то, что в этой трехэтажной постройке после ремонта разместились нижняя и верхняя квартиры. На первом этаже обитала некая Робин Эллакотт. Приложив определенные усилия к тому, чтобы разузнать имя этой девушки, про себя он звал ее не иначе как Секретутка. А вот и она: мелькнула в окне эркера, легко узнаваемая благодаря необычному цвету волос.

Слежка за Секретуткой была приятным бонусом, этаким бесплатным приложением. У него образовалась пара часов свободного времени, и он приехал на нее поглазеть. Сегодня – день отдыха между вчерашними победами и завтрашним днем, между удовлетворением от содеянного и предвкушением дальнейшего.

Дверь справа неожиданно распахнулась; из дома вышла Секретутка, да не одна.

Не отрываясь от теплой стены, он повернулся в профиль к этой парочке и стал смотреть в дальний конец улицы, словно кого-то ждал. На него не обратили ни малейшего внимания. Эти двое бок о бок шли своей дорогой. Дав им фору, через минуту он решил двинуться следом.

Она была в джинсах, светлой куртке и сапожках на низком каблуке. Под лучами солнца ее длинные вьющиеся волосы приобрели слегка имбирный оттенок. В отношениях этой

молча шагавшей пары ему виделась некоторая натянутость.

Людей он читал как открытую книгу. Вот и вчерашнюю девицу, которая испустила дух среди кипы окровавленных полотенец, он сперва прочел и очаровал.

Засунув руки в карманы, он лениво брел по следу этих двоих – будто бы в направлении магазинов; прекрасным солнечным утром его темные очки смотрелись совершенно естественно. Легкий апрельский ветерок перебирал ветви деревьев. В конце улицы парочка свернула влево, на широкий, оживленный проспект, застроенный офисными комплексами. В солнечном свете здание районной администрации Илинга сверкало листовым стеклом.

Теперь Секретуткин сосед, а может, сожитель или кто еще, чисто выбритый, с квадратным подбородком, обратился к ней с разговором. Отвечала она коротко, без улыбки.

До чего же мелочные, низкие, грязные твари – женщины. С жиру бесятся – хотят, чтобы их ублажали. Такая очистится лишь тогда, когда раскинется перед тобой, мертвая и пустая; лишь тогда она станет таинственной, незапятнанной, даже прекрасной. Будет принадлежать одному тебе, не сможет ни заспорить, ни вырваться, ни убежать – делай с ней что хочешь. Вчерашний обескровленный труп оказался тяжелым и податливым: его игрушка, его кукла в человеческий рост.

Теперь он двигался за Секретуткой и ее дружкой через торговый центр «Аркадия», маяча сзади, как привидение или божество. Могла ли видеть его субботняя толпа, или же он чудом преобразился, обрел двойную жизнь, получил дар скрываться от посторонних глаз?

У автобусной остановки они встали в очередь, а он топтался поблизости, будто разглядывая индийский ресторан, горку фруктов в продуктовом магазине, картонные маски принца Уильяма и Кейт Миддлтон в витрине газетного киоска, а сам следил за отражением в стекле.

Они приготовились уехать на восемьдесят третьем. Денег у него на кармане было в обрез, но хотелось еще за ней понаблюдать – не лишать же себя удовольствия. Поднимаясь по ступенькам, он услышал, как ее дружок назвал водителю «Уэмбли-Сентрал». Теперь оставалось только купить билет и последовать за ними наверх.

В передней части салона парочка нашла два места рядом. Он устроился поблизости, возле урюмой тетки, которой пришлось убрать с сиденья магазинные пакеты. Сквозь гул пассажирских голосов до него изредка долетали обрывки разговора. Если Секретутка молчала, то безрадостно смотрела в окно. Когда она поправляла волосы, он заметил у нее на пальце колечко невесты. Стало быть, замуж собралась... ну-ну. Он спрятал в поднятом воротнике подобие улыбки.

Сквозь штрихи оконной грязи в автобус приникало теплое послеполуденное солнце. Все свободные места заняли ввалившиеся гурьбой парни, некоторые – в красно-черной форме регбистов.

Ему вдруг показалось, будто сияние дня померкло. Эти куртки с изображением полумесяца и звезды наводили на неприятные мысли. Возвращали его к тем временам, когда он отнюдь не ощущал себя богом. У него не было ни малейшего намерения пятнать и марать этот счастливый день воспоминаниями, причем гнусными, но приподнятость вмиг начала улетучиваться. Он разозлился (тем более что его вниманием завладел мальчишка-подросток из той же компании), но успел отвести взгляд, поднялся с места и в тревоге стал продвигаться назад, к лестнице. У дверей автобуса крепко держались за стойку отец с маленьким сынишкой. В груди взрывом полыхнул гнев: почему же у него самого нет сына? Точнее, почему теперь у него нет сына? Он представил себе, как мальчонка стоит рядом и,

запрокинув голову, с обожанием смотрит на него; но сына у него давно не было, и все из-за негодя по имени Корморан Страйк.

Корморана Страйка требовалось наказать. Ударить в самое больное место.

На тротуаре он поднял взгляд и напоследок успел заметить в переднем окне автобуса золотистую голову. Не пройдет и суток, как он увидит ее снова. Эта картинка помогла усмирить внезапное бешенство, вызванное зрелищем тех «сарацинских» курток. Автобус покатило дальше, а он побрел в обратном направлении, успокаиваясь с каждым шагом.

План у него созрел – что надо. Все шито-крыто. Комар носу не подточит. А дома, в холодильнике, ждал своего часа заветный сверток.

A rock through a window never comes with a kiss.

Blue Öyster Cult. «Madness to the Method»^[3]

Робин Эллакотт, двадцати шести лет, ходила в невестах уже более года. Свадьба должна была состояться три месяца назад, но сорвалась из-за внезапной кончины будущей свекрови. С тех пор много чего произошло. Не факт, что они с Мэтью стали бы ближе друг другу, будь у них свидетельство о браке. Неужели они бы меньше ссорились, если бы под сапфировым перстеньком, который стал ей чуть свободен, заблестело обручальное кольцо?

В понедельник утром, лавируя между кучами строительного мусора на углу Тотнэм-Корт-роуд, она прокручивала в голове вчерашний конфликт. Первые его ростки пробились еще до похода на матч по регби. Конфликты возникали у них, считай, после каждой встречи с Сарой Шедлок и ее дружкой Томом: на это и указала Робин после матча; склока не утихла за полночь. «Сара просто гов... говорила гадости... неужели до тебя не доходит? Она постоянно навела разговор на него, не умолкала ни на минуту, но я-то тут при чем?..»

С того самого дня, когда Робин устроилась на работу в частное детективное агентство на Денмарк-стрит, путь ей преграждали эти завалы. Настроение вконец испортилось, когда она споткнулась о какой-то обломок и едва удержалась на ногах. Из глубокой канавы раздался свист и похотливый гогот работяг в касках и неоновых жилетах. Покраснев, Робин отвернулась и убрала назад облепившие лицо длинные золотисто-земляничные пряди, а потом невольно возвратилась мыслями к Саре Шедлок и ее коварным, назойливым расспросам про владельца агентства.

– Есть в нем какая-то необъяснимая притягательность, правильно я понимаю? Битый жизнью, но меня лично это никогда не останавливало. А какой он из себя, эротичный? И такой большой, да?

Робин видела, как Мэтью стиснул зубы, выслушивая ее холодные, равнодушные ответы.

– И, кроме вас двоих, в конторе никого нет? Неужели? Совсем никого?

Вот стерва, думала Робин, чья неизменная доброжелательность никогда не распространялась на Сару Шедлок. И ведь прекрасно знает, что делает.

– А правда, что он награжден медалью за Афганистан? В самом деле? Надо же, значит, он ко всему еще и герой войны?

Робин изо всех сил старалась заткнуть этот фонтан восхвалений, но все напрасно: Мэтью оставался холоден со своей невестой до конца матча. Однако на обратном пути с Викаридж-роуд его раздражение ничуть не мешало ему болтать и смеяться с Сарой, а Том, которого Робин считала тупым занудой, только подхихикивал, не видя ничего дальше своего носа.

Ее толкали прохожие, точно так же огибавшие дорожные раскопы, но потом ей все-таки удалось перейти на другую сторону, в тень громады бетонного, будто решетчатого, Сентр-Пойнта. Здесь на Робин опять нахлынула злость: ей вспомнилось, что сказал в полночь Мэтью, когда скандал разгорелся с новой силой.

– Черт побери, да он у тебя с языка не сходит! Я же слышал, как ты говорила Саре...

– Не я раз за разом поднимала эту тему, а она, ты просто не слушал...

Но Мэтью уже стал ерничать, заговорив писклявым, дурашливым голосом, каким передразнивал всех представительниц другого пола:

– «Ах, какая у него шевелюра, прелесть...»

– Уймись, это уже паранойя! – вскричала Робин. – Сара нахваливала шевелюру Жака Бургера^[4], а не Корморана. Я только сказала...

– «А не Корморана», – как debil, пропищал Мэтью.

При повороте на Денмарк-стрит Робин кипела той же злостью, что и восемь часов назад, когда пулей вылетела из спальни, чтобы улечься спать на софе.

Сара Шедлок, эта гадина Сара Шедлок, знавшая Мэтью с университетской скамьи, из кожи вон лезла, чтобы отбить его у Робин, оставшейся тогда в Йоркшире... Ладно бы Робин не ждала новых встреч с Сарой, так ведь нет: Сара получила приглашение к ним на свадьбу, перенесенную на июль, и, судя по всему, будет вечно соваться в их жизнь, а в один прекрасный день – с нее станется – проникнет и в агентство, чтобы познакомиться со Страйком, если, конечно, любопытствовала она искренне, а не из желания вбить клин между Робин и Мэтью.

Ни за что не буду знакомить ее с Кормораном, мстительно думала Робин, подходя к почтовому курьеру, топтавшемуся у входной двери. Одной рукой в перчатке он сжимал канцелярскую доску, а в другой держал прямоугольный пакет.

– На имя Эллакотт? – уточнила Робин.

У нее были заказаны одноразовые фотоаппараты в картонном корпусе под слоновую кость – сувениры для приглашенных на свадьбу. В последнее время ей все чаще приходилось задерживаться на работе, а потому оформлять заказы проще было на адрес агентства.

Курьер кивнул и, не снимая мотоциклетного шлема, протянул ей доску. Робин поставила свою подпись и взяла продолговатый пакет; он оказался тяжелее, чем она предполагала, а внутри вроде как перекатывался один объемный предмет.

– Спасибо, – сказала она, сжимая пакет под мышкой, но курьер уже заносил ногу над мотоциклом.

Под рев двигателя Робин отперла подъезд.

Стуча каблуками, она поднялась по гулкой железной лестнице, обвивавшей клеть неисправного лифта. По стеклянной двери с гравировкой «К. Б. Страйк, частный детектив» пробежал блик света, отчего надпись сделалась еще темнее.

Робин специально пришла в контору пораньше. У них сейчас была прорва заказов, и прежде чем отправляться на слежку за молоденькой русской стриптизершей, требовалось завершить необходимые отчеты.

По звуку тяжелых шагов над головой она поняла, что Страйк все еще находится у себя в квартире.

Опустив удлиненный сверток на стол, Робин сняла пальто и повесила его вместе с сумкой на крючок за дверь, зажгла свет, наполнила и включила чайник и только после этого взялась за острый нож для бумаг. Вспоминая, как Мэтью отказывался верить, что она хвалила шевелюру фланкера Жака Бургера, а не курчавые и короткие, совсем как на лобке, волосы Страйка, Робин одним движением вспорола пакет.

В коробку была втиснута отсеченная женская нога с загнутыми кверху – для компактности – пальцами.

Half-a-hero in a hard-hearted game.

Blue Öyster Cult. «The Marshall Plan»^[5]

Оконные стекла задрожали от крика Робин. Она шарахнулась, не отрывая взгляда от этого чудовищного зрелища. Нога была стройная, бледная, гладкая. Взрезая картон, Робин скользнула по ней пальцем и теперь не могла избавиться от ощущения холодной, будто резиновой, кожи. Чтобы заглушить собственный крик, девушка зажала рот ладонями; сбоку тотчас же распахнулась стеклянная дверь. Ростом под два метра, Страйк ворвался в приемную с перекошенным лицом, даже не успев застегнуть рубашку, под которой виднелась по-обезьяньи волосатая грудь.

– Какого же...

Он проследил за полным ужаса взглядом своей помощницы – и увидел ногу. Робин почувствовала на локте его железную хватку и без сопротивления позволила вывести себя на лестницу.

– Как это сюда попало?

– С курьером, – выдавила она, пока Страйк подталкивал ее вверх по ступеням. – На мотоцикле.

– Жди здесь. Я вызову полицию.

Он захлопнул дверь своей мансарды; Робин, с бешено колотящимся сердцем, приросла к полу и слушала, как Страйк спускается обратно в офис. К горлу подступила кислятина. Нога. Только что она, Робин Эллакотт, получила по почте ногу. И преспокойно занесла коробку с женской ногой в приемную агентства. Чья это нога? Где остальные части тела?

Робин отошла от двери, доплелась до ближайшего стула, дешевого, пластмассового, на металлических ножках, и опустилась на его мягкое сиденье, по-прежнему зажимая ладонями онемевшие губы. Посылка, припомнила она, была адресована ей лично.

В это время Страйк стоял у окна своего кабинета, выходящего на Денмарк-стрит, и, прижимая к уху мобильник, высматривал на улице хоть какие-нибудь следы курьера. В ожидании ответа блюстителей закона он перешел в приемную, чтобы изучить раскрытую коробку.

– Нога? – переспросил инспектор уголовной полиции Эрик Уордл. – Какая, к черту, нога?

– Даже не моего размера, – сострил частный сыщик, чего не решился бы сделать в присутствии Робин.

Из-под заколотой штанины его брюк виднелся металлический стержень, заменявший ему лодыжку. Из-за воплей своей помощницы Страйк не успел полностью одеться.

Только во время разговора с Уордлом он определил, что в коробке лежит именно правая нога, причем отрезанная, как его собственная, ниже колена. Не выпуская из руки телефона, Страйк склонился над столом, чтобы повнимательнее изучить эту конечность, и ему в нос ударил тошнотворный запах, как от размороженной курятины. Жертва принадлежала к белой расе; на гладкой, бледной коже не обнаружилось никаких изъязвлений, если не считать застарелой, зеленоватой гематомы на небрежно выбритой голени. Светлые волоски, чуть

неопрятные ногти без лака. Из плоти белой ледышкой торчит кость. Отрублена чисто, заметил Страйк: вероятно, топором или мясницким секачом.

– Женская, говоришь?

– Похоже на то...

Заметил Страйк и кое-что другое: на задней части голени, возле места ампутации, виднелся старый шрам, никак не связанный с отсечением ноги от тела.

Сколько раз в детстве, на корнуэльском берегу, он останавливался спиной к предательской воде, которая застигала его врасплох? Кто не знаком с повадками моря, тот забывает о его тяжести и беспощадности. Когда оно холодным металлом обрушивалось на ребятишек, они цепенели. В силу своей профессии Страйк постоянно сталкивался, работал и боролся со страхом, но при виде этого застарелого шрама его на мгновение обожгла настоящая жуть, усиленная неожиданностью.

– Ты там не заснул? – спросил Уордл на другом конце.

– В смысле?

Дважды переломанный нос Страйка находился в каком-то дюйме от места отсечения женской ноги. В памяти всплыла детская ножка со шрамом – забыть это зрелище так и не получилось... Сколько же лет назад он видел ту девочку? Сколько было бы ей сейчас?

– Ты позвонил мне первому, потому что?.. – подсказал Уордл.

– Да-да, – спохватился Страйк, пытаясь собраться с мыслями. – Я хотел, чтобы этим делом занялся именно ты, но если тебе влом...

– Выезжаю, – сказал Уордл. – Скоро буду. Не суетись.

Страйк дал отбой и опустил мобильник на стол, не сводя глаз с ноги. Только теперь он заметил, что под ней лежит какая-то бумажка – отпечатанная записка. Прошедший хорошую армейскую школу, Страйк поборол в себе желание тут же вытащить ее и прочесть: к вещдокам прикасаться без нужды не положено. Вместо этого он неловко присел, чтобы разобрать перевернутый адрес на откинутой крышке.

Посылку отправили не кому-нибудь, а Робин; это плохо. Ее фамилия, напечатанная без ошибок на белом листке с клейким слоем, соседствовала с адресом агентства. Под этим стикером виднелся другой. Твердо решив не трогать коробку, даже чтобы прочитать надписи, Страйк прищурился и понял, что вначале имя адресата было указано как «Камерон Страйк» и лишь потом отправитель наклеил сверху новую распечатку с именем Робин Эллакотт. С какой целью?

– Бляха-муха! – выругался Страйк себе под нос.

Не без труда распрямившись, он снял с крючка у входа сумку Робин, запер стеклянную дверь и пошел наверх.

– Полиция уже едет, – сообщил он, ставя перед ней сумку. – Чаю выпьешь?

Она кивнула.

– Бренди плеснуть?

– Бренди у тебя нет, – хриловато заметила Робин.

– Уже пошарила?

– Еще не хватало! – возмутилась она, и Страйк даже улыбнулся: как можно было подумать, что Робин у него в квартире пойдет шарить по полкам? – Не такой ты человек... не такой ты человек, чтобы держать дома бренди для лечебных целей.

– Может, пивка?

Робин помотала головой, не в силах улыбнуться. Когда заварился чай, Страйк устроился

напротив со своей кружкой. По его внешности было отчетливо видно, что это бывший боксер-тяжеловес, давно подсевший на табак и фастфуд. Грозные брови, нос расплющенный, асимметричный, в отсутствие улыбки – вечная мина сумрачного недовольства. Его плотные, черные, вьющиеся мелким бесом волосы напомнили Робин про Жака Бургера и Сару Шедлок. Тот скандал остался где-то в прошлом. О Мэтью она вспомнила сегодня разве что походя. Робин не представляла, как расскажет ему об этом происшествии. Он разозлится. Его и раньше бесило, что Робин работает у Страйка.

– Ты... рассмотрел? – прошептала она, взяла свою кружку, но тут же опустила – чай не пошел.

– Угу, – ответил Страйк.

Что бы еще такое спросить, она не знала. В посылке была отсеченная нога. Такая жуть, такой бред... любой вопрос прозвучал бы пошло, издевательски. *Это, случаем, не от твоей знакомой? Как по-твоему, кто мог это прислать?* И самое главное: *а я-то при чем?*

– Полицейские будут спрашивать про курьера, – сказал Страйк.

– Естественно. Постараюсь припомнить все до мелочей.

Снизу позвонили.

– Это, наверно, Уордл.

– Уордл? – Робин даже вздрогнула.

– Самый доброжелательный коп из всех, кого мы знаем, – напомнил ей Страйк. – Жди, я приведу его сюда.

В прошлом году Страйк умудрился восстановить против себя всю полицию Большого Лондона, причем даже не по своей вине. Раздутые прессой, два самых громких его расследования уязвили офицеров, которых он обошел. При этом Уордл, помогавший распутать первое из тех двух дел, слегка погрелся в лучах его славы, и за счет этого у них сохранились более или менее сносные отношения. Робин знала Уордла только по газетным фотографиям. В зале суда она его не видела.

Внешне он оказался довольно привлекательным: густая каштановая шевелюра, шоколадно-карие глаза, одет в кожаную куртку и джинсы. Перехватив его быстрый, испытующий взгляд, обшаривший Робин – ее волосы, фигуру и особенно левую руку, на которой блестело наглядное свидетельство помолвки, колечко с бриллиантом и сапфиром, – Страйк не знал, смеяться или досадовать.

– Эрик Уордл, – представился инспектор вкрадчиво и, как подумал Страйк, с совершенно лишней обольстительной улыбочкой. – А это сержант уголовной полиции Эквензи.

С ним прибыла чернокожая коллега: тощая, с кичкой выпрямленных африканских волос на затылке. Она приветствовала Робин краткой улыбкой, и Робин почему-то успокоилась от присутствия другой женщины. Сержант уголовной полиции Эквензи окинула взглядом тесное жилище Страйка, на все лады расписанное газетчиками.

– А где же посылка? – спросила она.

– Внизу. – Страйк вытащил из кармана ключи от офиса. – Я вас провожу. Как поживает твоя жена, Уордл? – не удержался он, выходя из квартиры с сержантом Эквензи.

– А тебе-то что? – огрызнулся офицер, но, к немалому облегчению Робин, перестал изображать из себя психотерапевта, сел напротив и открыл блокнот.

– Он дожидался у подъезда, – начала Робин, когда Уордл спросил, как у нее оказалась коробка с отрезанной ногой. – Я подумала, это курьер. Затянут в черную кожу, весь в черном,

и только на плечах куртки – синие полосы. Гладкий черный шлем, зеркальный щиток опущен. Рост – где-то под два метра. Если не учитывать шлем – сантиметров на тридцать выше меня.

– Телосложение? – спросил Уордл, строча в блокноте.

– Я бы сказала, довольно плотное, но у него, вероятно, куртка была на теплой подкладке. – Робин невольно покосилась на Страйка – тот как раз входил в дверь. – Ну то есть, конечно, не...

– Конечно, не такой жирный кабан, как босс? – подсказал Страйк, и Уордл, никогда не упускавший случая пнуть частного сыщика или поржать над чужой подколкой, негромко хохотнул.

– Он был в перчатках, – без улыбки добавила Робин. – В черных кожаных байкерских перчатках.

– Куда же без перчаток, – отозвался Уордл, делая очередную пометку. – Мотоцикл, вероятно, вы не разглядели?

– «Хонда», красная с черным, – сказала Робин. – Я логотип запомнила – изображение крыла. По моим прикидкам, рабочий объем семьсот пятьдесят кубиков. Здоровенный.

Уордл не поверил своим ушам.

– Робин у нас – гонщица. Рассекает, как Фернандо Алонсо, – вставил Страйк.

Робин стало раздражать его панибратство и ерничество. У них в конторе, этажом ниже, лежала отсеченная женская нога. А где искать саму жертву? Сдержат слезы было нелегко, особенно после бессонной ночи. Проклятуший диван... В последнее время она нередко стелила себе в гостиной...

– И он заставил вас расписаться в получении? – спросил Уордл.

– Не то чтобы заставил, – уточнила Робин. – Он протянул мне папку-планшет с зажимом, и я машинально черкнула свою подпись.

– А что было под зажимом?

– То ли накладная, то ли...

Пытаясь восстановить это в памяти, Робин закрыла глаза. Теперь ей вспомнилось: бланк действительно выглядел каким-то кустарным, будто сляпанным на компьютере. Так она и сказала.

– А вы, вообще-то, ожидали какую-нибудь посылку? – спросил Уордл.

Робин объяснила, что к собственной свадьбе заказала для гостей одноразовые фотоаппараты.

– И что он сделал, когда коробка оказалась у вас в руках?

– Сел на мотоцикл и умчался. В направлении Черинг-Кросс-роуд.

В дверь мансарды постучали; сержант Эквензи принесла в пакетике для вещдоков отпечатанную на принтере записку, которую Страйк в самом начале заметил под ногой.

– Прибыли судмедэксперты, – доложила она Уордлу. – Вот это лежало в посылке. Хотелось бы услышать мнение мисс Эллакотт.

Сквозь прозрачный полиэтилен Уордл пробежал глазами записку и нахмурился.

– Белиберда какая-то, – сказал он и начал читать вслух: – «A harvest of limbs, of arms and of legs...»

– «...of necks that turn like swans...» – подхватил Страйк, который стоял прислонившись к плите, откуда уж никак не мог разобрать написанное, – «...as if inclined to gasp or pray»^[6].

Трое слушателей вытаращили глаза.

– Это текст песни, – сказал Страйк.

От Робин не укрылось выражение его лица. Она поняла, что эти слова наполнены для него особым, гнетущим смыслом. Страйк с видимым усилием объяснил:

– Из последнего куплета «Mistress of the Salmon Salt»^[7]. Группы *Blue Öyster Cult*^[8].

Сержант уголовной полиции Эквензи вздернула тонко подведенные бровки:

– Это кто такие?

– Культовые рокеры семидесятых.

– Ты, надо думать, хорошо знаешь их музыку? – предположил Уордл.

– Я хорошо знаю эту песню, – ответил Страйк.

– А отправителя ты, случайно, не знаешь?

Страйк медлил. Троица слушателей выжидала, а в голове у сыщика мелькали образы и воспоминания. Чей-то приглушенный голос: «Она звала смерть... Quicklime Girl»^[9]. Тонкая ножка двенадцатилетней девочки, исполосованная серебристыми шрамами от порезов. Темные, как у хорька, мужские глаза, сузившиеся от ненависти. Наколка – желтая роза.

А потом, в конце прочих воспоминаний (у кого-нибудь другого эта мысль возникла бы в начале), ему в голову пришел протокол допроса, в котором упоминался отрезанный от трупа пенис, отправленный по почте полицейскому осведомителю.

– Ты знаешь отправителя? – повторил Уордл.

– Возможно. – Страйк покосился на Робин и сержанта Эквензи. – Нам с тобой лучше потолковать с глазу на глаз. Ты узнал у Робин все, что хотел?

– Нам понадобится ваше полное имя, домашний адрес и прочее, – сказал Уордл. – Запиши, Ванесса.

Сержант Эквензи вышла вперед с блокнотом. Железные ступеньки лязгом отозвались под шагами мужчин и затихли. Робин отнюдь не горела желанием еще раз увидеть содержимое посылки, но расстроилась, что ее не позвали в офис. Как-никак на коробке была наклейка с ее именем.

Зловещее почтовое отправление все еще лежало этажом ниже, на конторском столе. Сержант Эквензи впустила еще двоих подчиненных Уордла: один фотографировал, второй вел переговоры по мобильному, когда мимо прошел их начальник с частным детективом. Полицейские проводили Страйка любопытными взглядами: он добился относительной известности, но вместе с тем успел насолить многим коллегам Уордла.

Закрыв за собой дверь кабинета, Страйк с Уордлом сели за стол друг против друга. Уордл открыл чистую страницу блокнота:

– Итак, известен ли тебе любитель расчленять трупы и по кускам рассылать частным лицам?

– Теренс Мэлли, – после небольшой заминки ответил Страйк. – Для начала.

Уордл не стал ничего записывать и только воззрился на Страйка, занеся ручку:

– Теренс Мэлли по кличке Диггер?

Страйк кивнул.

– Из харрингейской банды?

– А ты знаешь других Теренсов Мэлли? – Страйк начал раздражаться. – И сколько среди них любителей отправлять по почте расчлененку?

– Черт возьми, неужели ты пересекался с Диггером? Какими судьбами?

– Во время совместных рейдов с полицией нравов, в две тысячи восьмом. Он наркоту

толкал.

– После той облавы его и закрыли?

– Точно.

– Ё-моё! – вырвалось у Уордла. – Вот же и ответ, да? Этот перец – больной на всю голову, только что освободился и пасет половину лондонских проституток. Впору пройтись землечерпалкой по Темзе – поискать остальные части тела.

– Загвоздка в том, что я давал показания анонимно. Он не мог знать, что закрыл его именно я.

– У них повсюду глаза и уши, – возразил Уордл. – Харрингейская группировка – это же чистой воды мафия. Ты слышал, как он послал Иэну Бевину отрезанный член Хэтфорда Али?

– Да, я в курсе, – ответил Страйк.

– Так про что там в песне поется? Про урожай какой-то долбаный...

– Вот это меня истораживает, – с расстановкой произнес Страйк. – Для такого баклана, как Диггер, слишком тонко... наводит на мысль, что это мог быть один из троих других.

*Four winds at the Four Winds Bar,
Two doors locked and windows barred,
One door left to take you in,
The other one just mirrors it...*

Blue Öyster Cult. «Astronomy»^[10]

– То есть ты знаешь четверых, которые могли прислать тебе отрезанную ногу? Четверых?

В круглом зеркальце у раковины, над которой сейчас брился Страйк, отражалось перекошенное от ужаса лицо Робин. Полицейские наконец-то увезли ногу, Страйк объявил, что на сегодня дела окончены, и Робин сидела со второй кружкой чая за кухонным столом у него в мансарде.

– Если совсем честно, – сказал он, соскребая щетину с подбородка, – то всего лишь троих. Думаю, напрасно я приплел сюда Мэлли.

– Почему же напрасно?

Робин услышала историю его краткого знакомства с этим рецидивистом, которого в последний раз упекли за решетку не без участия Страйка.

– ...поэтому Уордл теперь считает, что меня вычислила харрингейская группировка. Но я вскоре после дачи показаний отбыл в Ирак, и мне неизвестны случаи, чтобы офицер специальной разведки засветился из-за участия в судебном процессе. А кроме того, текст песни – это Диггеру не по уму. Такие изыски – не его уровень.

– Но на его счету есть расчлененные трупы? – спросила Робин.

– Насколько мне известно, один... но имей в виду: тот, кто расчленил труп, – не обязательно убийца, – рассуждал Страйк. – Нога могла быть отсечена от уже имевшегося трупа. Могла быть ампутирована в больнице. Уордл прояснит эти вопросы. Пока нет результатов экспертизы, нам остается только гадать.

О леденящей кровь возможности отсечения ноги от живого человека он умолчал.

Во время паузы Страйк ополаскивал под краном бритвенный станок, а Робин, погруженная в свои мысли, смотрела в окно.

– Пожалуй, ты был просто обязан упомянуть Мэлли, – заключила она, поворачиваясь к Страйку, который встретил ее взгляд в зеркале, – коль скоро тот один раз уже отправил по почте... что там он отправил? – нервно поинтересовалась Робин.

– Да пенис, – ответил Страйк, дочиста вымыл лицо и вытерся полотенцем. – Ага, возможно, ты права. Хотя по зрелом размышлении я все больше убеждаюсь, что Мэлли тут ни при чем. Я сейчас... хочу рубашку сменить, а то две пуговицы оторвал из-за твоих воплей.

– Это плохо, – туманно сказала Робин, когда Страйк исчез в спальне.

Попивая чай, она огляделась. Прежде ей не доводилось бывать у Страйка в квартире. Самое большее, что она себе позволяла, – это постучаться к нему в дверь, чтобы сообщить нечто безотлагательное, а в периоды его напряженной работы и постоянного недосыпа – разбудить.

В тесной кухоньке-гостиной царили чистота и порядок. Там не наблюдалось почти никаких примет личности: разрозненные кружки, стопка дешевых посудных полотенец возле газовой плиты, никаких изображений и безделушек, разве что прикрепленный к дверце посудного шкафа детский рисунок солдата.

– Кто это нарисовал? – полюбопытствовала она, когда Страйк вернулся в свежей рубашке.

– Мой племянник Джек. Он ко мне хорошо относится, по непонятной причине.

– Не набивайся на комплименты.

– Даже и не думаю. Просто я никогда не знаю, о чем говорить с детьми.

– Значит, тебе известны трое, которые могли... – снова начала Робин.

– Выпить охота, – признался Страйк. – Давай-ка заглянем в «Тотнэм».

Из-за грохота отбойных молотков разговаривать на улице не было никакой возможности, но, по крайней мере, дорожные рабочие во флуоресцирующих жилетах не свистели и не улюлюкали ей вслед, когда рядом шагал Страйк. В конце концов детектив со своей помощницей вошли в излюбленный бар Страйка, где сверкали зеркала в золоченых рамах, темнели деревянные панели, поблескивали надраенные пивные краны, пестрели стеклянные мозаики купола и картины Феликса де Йонга с изображениями озорных красоток.

Страйк взял себе пинту «Дум-бара»; Робин, которую мутило при мысли об алкоголе, попросила кофе.

– Итак? – начала Робин, как только ее босс вернулся к высокому столику прямо под куполом. – Кто эти трое?

– Не забывай: это всего лишь мои домыслы, – предупредил Страйк, снимая пробу.

– Я понимаю, – сказала Робин. – Кто они такие?

– Извращенцы, у которых есть причины ненавидеть меня лютой ненавистью. – В голове у Страйка возникло видение перепуганной худенькой двенадцатилетней девочки в съехавших набок очочках – и со шрамом вокруг голени. Неужели на правой ноге? Он уже не помнил. Господи, только бы не она...

– Так кто же? – Робин начала терять терпение.

– Двое служили со мной в армии. – Страйк поскреб недобритый подбородок. – Оба – с придурью и с достаточно садистскими наклонностями, чтобы... чтобы...

Его объяснения прервал непроизвольный широкий зевок. В ожидании связных ответов Робин заподозрила, что накануне он переутомился со своей новой подругой. Элин, в прошлом концертирующая скрипачка, работала ведущей на «Радио-3». Скандинавского типа блондинка, она напоминала Робин все ту же Сару Шедлок, только изящнее. Видимо, по этой причине Робин с самого начала ее невлюбила. Была и другая причина: в присутствии Робин эта дама как-то назвала ее секретаршей Страйка.

– Извиняюсь, – сказал Страйк. – Вчера допоздна готовил материалы по Хану. Не выспался. – Он взглянул на часы. – Может, спустимся в нижний зал, перекусим? У меня в животе урчит.

– Подожди минуту. Еще двенадцати нет. Я хочу услышать про тех троих.

– Ладно, – сказал Страйк и тут же понизил голос, потому что мимо их столика проходил какой-то мужчина. – Дональд Лэйнг, Королевский собственный пограничный полк. – Ему снова вспомнились глазки как у хорька, сам – сгусток ненависти, татуировка-роза. – Этого я отправил на пожизненное.

– Но как тогда...

– Отмотал десятку и вышел в две тысячи седьмом. С той поры разгуливает на свободе. Лэинг – это тебе не просто псих, это зверь, умный и хитрый зверь. Социопат, я так считаю, самый настоящий. Я его отправил на пожизненное за одно дело, к которому вообще не должен был иметь никакого касательства. Еще немного – и его бы оправдали по первоначальному обвинению. У Лэинга чертовски веские причины меня ненавидеть.

Но он не стал уточнять, какое преступление совершил Лэинг и почему его дело вел не кто-нибудь, а сам Страйк. Иногда, обычно в рассказах о службе в Отделе специальных расследований, Страйк своим тоном давал понять, что дошел до определенной черты, переступать которую не намерен. И Робин не допытывалась. Вот и сейчас она нехотя оставила тему Дональда Лэинга.

– А другой твой сослуживец?

– Ноэл Брокбэнк. «Пустынные Крысы».

– Пустынные... кто?

– Седьмая бронетанковая.

Погружаясь в свои мысли, Страйк все более замыкался. Робин не знала, почему это происходит: то ли оттого, что он голоден (ее босс был из тех, кому для поддержания душевного равновесия требуется регулярное питание), то ли по какой-то другой, мутной причине.

– Действительно, давай перекусим, – поддержала его Робин.

– Давай. – Страйк прикончил свою пинту и встал из-за стола.

Уютный подвальный ресторанчик с красным ковром, деревянными стульями и второй барной стойкой украшали гравюры в рамках. В это время дня там было безлюдно. Страйк и Робин сделали заказ первыми.

– Ты начал что-то говорить про Ноэла Брокбэнка, – напомнила Робин после того, как заказала салат, а Страйк – жареную рыбу с картошкой.

– Ага, у этого тоже есть причина вынашивать злобу, – скупой ответил Страйк.

Если он не хотел обсуждать Дональда Лэинга, то о Брокбэнке заговорил с еще большей неохотой. После затяжной паузы, во время которой Страйк гневно смотрел в никуда через плечо Робин, он выговорил:

– У Брокбэнка не все дома. Во всяком случае, он сам так говорит.

– Ты его тоже упек в тюрьму?

– Нет, – отрезал Страйк.

Его лицо приняло неприступное выражение. Робин решила подождать, хотя уже знала, что ей не светит услышать рассказ о Брокбэнке. Поэтому она только спросила:

– А третий кто?

На этот раз ответа вообще не последовало. Ей даже показалось, что Страйк не расслышал.

– А третий?..

– Проехали, – буркнул он и хмуро уставился на свежую пинту, но Робин не отступилась.

– Тот, кто прислал эту посылку, – подчеркнула она, – адресовал ее мне лично.

– Ладно, – после некоторого раздумья сдался Страйк. – Его зовут Джефф Уиттекер.

Робин словно ударило током. Ей не было нужды спрашивать, откуда босс знает Джеффа Уиттекера. Она и так была в курсе, хотя они никогда не касались этой темы.

О юности Корморана Страйка имелось множество сообщений в интернете, да и газеты

нередко ворошили прошлое, расписывая его успехи на детективном поприще. Он был нечаянным внебрачным отпрыском одного рок-идола и женщины (которую описывали не иначе как «супергруппы»), впоследствии умершей от передоза – Страйку тогда исполнилось двадцать лет. Джефф Уиттекер, намного моложе матери Страйка, был ее вторым мужем: его обвиняли в убийстве жены, но в конечном счете оправдали.

Пока не принесли заказ, Робин и Страйк сидели в молчании.

– Почему ты ограничилась салатом? – поинтересовался Страйк, уминая жареную картошку.

Как и рассчитывала Робин, поглощение углеводов благотворно подействовало на босса.

– Из-за свадьбы, – коротко ответила Робин.

Страйк ничего не сказал. Комментарии в адрес ее фигуры были для него под негласным, им же установленным запретом: его отношения с помощницей всегда очерчивались жесткими рамками.

Тем не менее про себя он отметил, что она исхудала. На его вкус, с более пышными формами (притом что даже мысли на эту тему были под запретом) она выглядела куда привлекательней.

– Ты можешь хотя бы ответить, – начала Робин после очередной паузы, – какие у тебя ассоциации с той песней?

Он пожевал, отхлебнул еще пива, заказал следующую порцию «Дум-бара» и только после этого сказал:

– У моей матери была татуировка с этим названием.

Он счел за лучшее не уточнять и даже не вспоминать, на каком именно месте была татуировка. Впрочем, от еды и пива он смягчился: Робин никогда не совала нос в его прошлое, и сейчас он решил сделать для нее послабление.

– Это была ее любимая песня. А *Blue Öyster Cult* – любимая группа. Нет, «любимая» – это мягко сказано. Обожаемая.

– А разве не *Deadbeats*? – само собой слетело с языка у Робин.

Отец Страйка был солистом группы *Deadbeats*. О нем тоже никогда не говорилось вслух.

– Нет. – Страйк скривился в полуулыбке. – Старина Джонни был у Леды на скромном втором месте. А на первом – Эрик Блум, солист *Blue Öyster Cult*, но там ей ничего не обломилось. Редчайший случай.

Робин не знала, что и думать. Прежде она могла только гадать, каково это – видеть, как вся история любовных походов твоей матери выкладывается в Сеть на всеобщее обозрение.

Страйку принесли очередную пинту; он сделал большой глоток, а потом продолжил:

– Меня чуть было не окрестили «Эрик Блум Страйк».

Робин поперхнулась водой и закашлялась в салфетку, а босс только посмеялся.

– Надо признать, Корморан не намного лучше – один черт. Корморан Блю...

– Блю?

– *Blue Öyster Cult*... ты меня слушаешь?

– Ничего себе! – поразила Робин. – Ты не рассказывал.

– А ты бы рассказала?

– И что это значит: «*Mistress of the Salmon Salt*»?

– Хоть убей, не знаю. Тексты у них просто безумные. Фантастика, фэнтези. Бред какой-то.

А в голове звучало: «Она звала смерть... Quicklime Girl». Страйк отпил еще пива.

– По-моему, я не слышала ни одной песни *Blue Öyster Cult*, – призналась Робин.

– Ну как же, слышала, – возразил Страйк. – «Don't Fear the Reaper». Не бойся, стало быть, темного жнеца.

– Кого-кого я не должна бояться?

– Это был их мегахит: «Don't Fear the Reaper».

– А... понятно.

От неожиданности Робин на миг почудилось, будто Страйк дает ей совет.

В молчании они вернулись к еде, но Робин не смогла долго изображать безразличие и, собравшись с духом, спросила:

– Как ты считаешь, почему посылку отправили на мое имя?

Страйк успел подготовиться к этому вопросу.

– Понятия не имею, – ответил он, – но думаю, нельзя исключать тайную угрозу, а потому до выяснения...

– Я не намерена прекращать работу, – с жаром заявила Робин. – И дома сидеть не собираюсь. Хотя Мэтью только этого и ждет.

– Ты поставила его в известность?

Пока Страйк у себя в кабинете беседовал с Уордлом, Робин успела сделать телефонный звонок.

– Да. Он злится, что я расписалась в получении.

– Думаю, он за тебя боится, – покривил душой Страйк.

Несколько раз они с Мэтью виделись, и с каждой встречей неприязнь Страйка только крепла.

– Нисколько он не боится! – вспыхнула Робин. – Просто он считает, что момент настал: что я запугана и теперь-то уж точно уволюсь. Не дождется.

Последние события повергли Мэтью в шок, и тем не менее она расслышала в его тоне нотки самодовольства, невысказанную уверенность в том, что после всего случившегося она сама поймет дикость своего выбора: связаться с беспутным частным сыщиком, который даже не в состоянии платить ей достойные деньги. Кроме того, Страйк заставлял ее работать сверхурочно, и по этой причине она получала почтовые отправления не на домашний, а на служебный адрес. («Можно подумать, если бы я сидела дома, „Амазон“ не смог бы доставить мне ногу!» – в запальчивости воскликнула Робин.) Ко всему прочему Страйк теперь набирал известность, и все знакомые проявляли к нему интерес. А Мэтью со своей бухгалтерией довольно бледно выглядел на этом фоне. Его загнанная вглубь досада, смешанная с ревностью, все чаще вырывалась наружу. Страйку хватало мозгов не подталкивать Робин к таким поступкам, о которых она могла бы пожалеть, когда успокоится.

– Отправитель адресовал посылку тебе, потому что передумал, – сказал Страйк. – Вначале на ней стояло мое имя. Могу предположить, что кто-то хочет выбить меня из колеи, показав, что знает твое имя, или же пытается запугать тебя, чтобы положить конец нашей совместной работе.

– Ну, знаешь, я не из пугливых! – возмутилась она.

– Робин, сейчас не время геройствовать. Мы еще не знаем, кто он такой, но этот хрен решил показать, что осведомлен о моих делах, знает твое имя и по состоянию на сегодняшний день четко представляет, как ты выглядишь. Он приблизился к тебе

вплотную. И мне это не нравится.

– Как видно, ты не слишком высокого мнения о моих способностях в деле контрнаблюдения.

– Перед тобой, между прочим, тот, кто запихнул тебя на самые престижные курсы следственных работников, – начал Страйк, – и досконально изучил выданную тебе характеристику, которую ты сунула мне под нос...

– Значит, ты считаешь, что я не владею приемами самообороны.

– Не имел счастья видеть тебя в деле – могу только верить на слово.

– Я хоть раз тебя обманула, когда описывала свои сильные и слабые стороны? – продолжала наступать оскорбленная Робин, и Страйку ничего не оставалось, как отрицательно помотать головой.

– Ну так вот! Я не собираюсь попусту рисковать. Ты меня приучил замечать любую подозрительную личность. Да и вообще тебе не с руки отсылать меня домой. Мы и так еле справляемся с наплывом заказов.

Страйк со вздохом потер лицо могучими, волосатыми с тыльной стороны ладонями.

– После наступления темноты на улицу ни шагу, – распорядился он. – И всегда держи при себе брелок с тревожной кнопкой, самый надежный.

– Хорошо. – Робин не стала спорить.

– А с понедельника будешь пахать на Рэдфорда, – приказал Страйк, успокаиваясь от этой мысли.

Рэдфорд, состоятельный предприниматель, хотел вывести на чистую воду одного из старших менеджеров, подозреваемого в преступных махинациях, и с этой целью собирался внедрить к себе в офис следователя под видом нового сотрудника, взятого на полставки. Направить туда Робин было вполне естественно, так как Страйк после раскрытия второго нашумевшего убийства сделался слишком заметной фигурой. Осушая третью пинту, он размышлял, как бы уболтать Рэдфорда загрузить Робин на полный рабочий день. Пусть бы спокойно сидела с девяти до пяти в шикарном бизнес-центре вплоть до поимки маньяка, приславшего ей ногу.

Тем временем Робин боролась с изнеможением и легкой тошнотой. Вчерашний скандал, бессонная ночь, жуткое потрясение от вида отсеченной ноги – и после этого нужно тащиться домой, чтобы в который раз оправдываться и объяснять, почему она соглашается выполнять опасную работу за сущие гроши. Мэтью, у которого она раньше находила утешение и поддержку, сделался дополнительным камнем преткновения.

К ней вернулось невыносимое, непрошеное видение холодной отрезанной ноги в картонной коробке. Скорей бы это забылось. Кончики пальцев, которые невольно коснулись восковой кожи, противно саднило. Рука, лежавшая на колене, сама собой сжалась в кулак.

Hell's built on regret.

Blue Öyster Cult. «The Revenge of Vera Gemini»

Lyrics by Patti Smith^[11]

Позже, благополучно проводив Робин до метро, Страйк вернулся в контору и сел за стол в приемной, чтобы в тишине, без помех обмозговать происходящее.

На своем веку он повидал немало расчлененных трупов, которые гнили в общих могилах или валялись вдоль дорог после взрыва. Оторванные руки и ноги, кровавая плоть, раздробленные кости. Отдел специальных расследований – подразделение Королевской военной полиции, действующее под прикрытием, – занимался случаями насильственной смерти; у Страйка и его сослуживцев иногда проявлялась защитная реакция: юмор. Иначе никто бы не выдержал постоянного зрелища растерзанных, изувеченных мертвецов. Сотрудникам ОСП была неведома роскошь видеть чистых, подгримированных покойников в гробах-коробках с атласным покрывалом.

Коробка. Снаружи совершенно заурядная. Картонная коробка с лежащей внутри ногой. Никаких следов происхождения, ни намек на вторичное использование – ничего. Все тщательно продумано, безукоризненно исполнено, и это тревожило Страйка не меньше, чем злое содержание посылки. Ему не давал покоя этот аккуратный, педантичный, почти клинический *modus operandi*^[12].

Он проверил время. На этот вечер у него было назначено свидание с Элин. Встречались они уже два месяца; его подруга находилась в затяжном состоянии развода, который протекал сухо и с переменным успехом, как гроссмейстерский шахматный турнир. Ее отлученный муж был необыкновенно богат, о чем Страйк узнал только тогда, когда впервые увидел семейное жилище – необъятные апартаменты с паркетными полами, выходящие окнами на Риджентс-парк. Из-за решения органов опеки выходило так, что Элин могла приглашать к себе Страйка лишь в отсутствие своей пятилетней дочери, а планируя куда-нибудь сходить, они выбирали тихие и неприметные лондонские рестораны, дабы отлученный муж не прознал, что у Элин кто-то есть. Страйка вполне устраивало такое положение дел. С прежними подругами вечно возникала одна и та же проблема: именно те вечера, которые принято посвящать отдыху, были у него заняты слежкой за чужими неверными супругами. Да и привязываться к дочке Элин он совершенно не собирался. Страйк не покривил душой, говоря Робин, что не знает, как разговаривать с детьми.

Он потянулся за мобильником. До ужина можно было еще кое-что успеть.

Первый звонок был перенаправлен в голосовую почту. Страйк наговорил сообщение для Грэма Хардэйкра, бывшего сослуживца из Отдела специальных расследований, с просьбой перезвонить. Где сейчас базируется Хардэйкр, он точно не знал. Во время их последнего разговора Хардэйкр служил в Германии, но ожидал перевода. К огорчению Страйка, второй звонок – старинному приятелю, чья дорожка вела, так сказать, в противоположную сторону от жизненного пути Страйка, – тоже остался без ответа. Оставив примерно то же самое голосовое сообщение, Страйк дал отбой.

Подвинувшись на стуле Робин ближе к столу, он включил компьютер и невидящими глазами стал смотреть на экран. Ум заполонила совершенно непрошенная картинка – образ матери без одежды. Кто мог знать, на каком месте у нее татуировка? Естественно, муж и многочисленные дружки, которые появлялись и исчезали; видеть ее раздетой могли также соседи по сквотам и грязным коммунаам, где их семья никогда не задерживалась надолго. В баре «Тотнэм» мелькнула у него еще одна мысль, которой он не готов был делиться с Робин: возможно, Леда в какой-то период своей жизни фотографировалась обнаженной. Это было бы вполне в ее характере.

Его пальцы забегали по клавиатуре. Он набрал «Леда Страйк», но тут же стер букву за буквой, злобно стуча указательным пальцем. Есть пределы, за которые нормальный человек по собственной воле не выходит, есть сочетания слов, которые не хочется оставлять в своей истории интернет-поисков, но, к сожалению, есть и дела, которые нельзя перепоручить другому.

Он уставился на пустую поисковую строку, откуда ему равнодушно подмигивал курсор, и быстро набрал – как всегда, двумя пальцами: «Дональд Лэйнг».

Людей с таким именем оказалось полно, особенно в Шотландии, но можно было смело исключить тех, кто вносил квартплату или участвовал в выборах, пока Лэйнг отбывал срок. В результате тщательного отбора, ориентируясь на приблизительный возраст Лэйнга, Страйк вычислил человека, который в две тысячи восьмом году вроде бы жил в городке Корби с некой Лоррейн Макнотон. По нынешним сведениям, Лоррейн Макнотон числилась одинокой.

Он стер имя Лэйнга и набрал «Ноэл Брокбэнк». Таких в Соединенном Королевстве оказалось на порядок меньше, чем тезок Лэйнга, но поиски опять же зашли в тупик. Какой-то Н. К. Брокбэнк в две тысячи шестом проживал один в Манчестере; если это тот, кого искал Страйк, значит он разошелся с женой. А плюс это или минус, Страйк пока не решил...

Откинувшись на спинку офисного стула Робин, Страйк принялся анализировать возможные последствия получения неизвестно чьей отсеченной ноги. Очень скоро полиция обратится за помощью к населению, но Уордл пообещал известить Страйка, когда станет известна дата пресс-конференции.

Такая из ряда вон выходящая, уродливая история в любом случае стала бы сенсацией, но здесь шумиха грозила перейти все мыслимые пределы (даже думать об этом не хотелось) из-за того, что ногу прислали не куда-нибудь, а к нему в агентство. В последнее время Корморан Страйк и без того находился в поле зрения прессы. Под носом у полиции Большого Лондона он раскрыл два громких убийства, и эти расследования неизбежно вызвали бы общественный резонанс, вне зависимости от заслуг частного детектива: в первом случае жертвой стала юная красавица, а во втором было совершено бессмысленное ритуальное убийство.

Как скажется доставка этой посылки, спрашивал себя Страйк, на его бизнесе, выстроить который стоило ему невероятных трудов? Последствия грозили быть серьезными. Непреклонным барометром деловой репутации служил интернет. В скором времени пользователь, решивший погуглить «Корморан Страйк», уже не увидит в верхней части страницы восторженных похвал в адрес двух его самых успешных, знаменитых расследований: их сменят беспощадные ссылки на то, что этому сыщику прислали отрезанную конечность, а значит, у него есть по крайней мере один заклятый враг. Страйк не сомневался, что хорошо знает нравы общественности, особенно того сегмента, который

составляют неуверенные, запуганные и озлобленные – хлеб любого частного детектива. Такие на пушечный выстрел не подойдут к агентству, которое получает посылки с отрезанными ногами. В лучшем случае новые клиенты решат, что у Страйка и Робин хватает собственных проблем, а в худшем – что эта парочка, неумелая и недалекая, вляпалась по самое некуда.

Он собрался выключить компьютер, но передумал и, сделав над собой еще большее усилие, чем потребовалось бы для поиска фотографий обнаженной матери, набрал «Бриттани Брокбэнк». В «Фейсбуке», в «Инстаграме» таких нашлось немало. На селфи сверкали улыбками сотрудницы каких-то неизвестных ему компаний. Он внимательно изучил изображения. Все девушки выглядели на двадцать с небольшим – как раз ее возраст. Темнокожих он отмел сразу, а какая именно была объектом его поиска, не знал: брюнетка, блондинка или рыжая, симпатичная или простушка, улыбчивая, или грустная, или пугливая. В очках не сфотографировалась ни одна. Это что, тщеславие? Или она сделала лазерную коррекцию зрения? Или просто не любила мелькать в социальных сетях? Страйк помнил: она собиралась сменить имя. А помимо всего прочего, допускал и кардинальную причину ее отсутствия: смерть.

Он вновь посмотрел на часы. Пора собираться.

«Нет, это не она», – подумал Страйк.

А потом: «Хоть бы не она». Ведь если она – это целиком на его совести.

Is it any wonder that my mind's on fire?

Blue Öyster Cult. «Flaming Telepaths»^[13]

В тот вечер по дороге домой Робин проявляла необычную бдительность: тайком сравнивала каждого пассажира в вагоне с запомнившейся высокой фигурой, затянутой в черную кожу. Одетый в дешевый костюм худощавый парень азиатской наружности с надеждой улыбнулся, в третий раз поймав на себе взгляд Робин; после этого она сделала вид, что поглощена своим телефоном, и, когда позволяли условия приема, просматривала сайт Би-би-си, поскольку, как и Страйк, ожидала, что посылка вскоре произведет эффект разорвавшейся бомбы. Через сорок минут после ухода с работы она уже входила в супермаркет «Вейтроуз», в двух шагах от своей станции метро. В холодильнике у нее было хоть шаром покати. Мэтью отказывался покупать продукты (хотя в позапрошлый раз, когда у них вышла ссора, всячески отпирался) – видимо, считал, что ненавистные для него обязанности должен выполнять тот, кто вносит в хозяйство меньше трети семейного бюджета.

Одинокие мужчины в костюмах наполняли корзины и тележки готовыми к употреблению продуктами. Деловые женщины на бегу хватали со стеллажей спасительные полуфабрикаты. Изнуренная молодая мать с горластым младенцем в коляске вилась по проходам, как обезумевшая моль, и не могла сосредоточиться: у нее в корзине лежал только пакетик моркови.

В состоянии безотчетной нервозности Робин медленно прохаживалась туда-сюда. Никто из покупателей не напоминал ей байкера в черном, никто не разглядывал ее исподтишка, примериваясь, как бы отрезать ей ноги. («...отрезать мне ноги...»)

– Позвольте! – Сердитая пожилая дама пыталась дотянуться до сосисок.

Робин с извинениями отошла в сторону, не понимая, откуда у нее в руке взялась упаковка куриных бедрышек. Бросив ее в тележку, она заторопилась в другой конец торгового зала, нашла относительный покой в винном отделе и позвонила Страйку. Он ответил после второго сигнала:

– Все в порядке?

– Да, конечно...

– Ты где?

– В «Вейтроузе».

Какой-то лысоватый коротышка изучал полки с хересом за спиной у Робин. Его глаза оказались на уровне ее груди. Робин сделала шаг в сторону; он двинулся вместе с ней. Под ее гневным взглядом этот наглец ретировался.

– Вот и хорошо, там ты в безопасности.

– Мм... – протянула Робин, провожая взглядом удаляющуюся спину коротышки. – Слушай, может, конечно, это пустое, но я вспомнила, что за последние месяцы мы получили пару непонятных писем.

– От шизиков?

– Не начинай.

Робин терпеть не могла эти пренебрежительные слова. После того как Страйк раскрыл второе громкое убийство, к ним в агентство лавиной хлынули письма. В одном, самом осмысленном, содержалась просьба дать денег – как видно, Страйка теперь считали богачом. В других высказывались невнятные жалобы и требования наказать обидчиков. Некоторые авторы излагали выстраданные, самые невероятные теории. Поступали и бессвязные, сбивчивые записки с такими вымогательствами и желаниями, которые указывали только на безумие авторов. Наконец, малая часть корреспонденции приходила в контору от лиц обоего пола («Вот где настоящие шизики», – отметила Робин) с объяснениями в любви.

– К тебе? – Страйк вдруг посерьезнел.

– Боже упаси – к тебе.

Робин слышала, как во время телефонного разговора Страйк мерил шагами мансарду. Наверное, готовился к свиданию с Элин. Он никогда не рассказывал об их романе. Если бы Элин как-то днем не забежала в агентство, Робин, вероятно, даже не узнала бы о ее существовании, по крайней мере до той поры, когда Страйк явился бы в контору с обручальным кольцом на пальце.

– И что в них говорилось? – спросил Страйк.

– Да как тебе сказать... одно было от девушки, которая просила совета, как ей отрезать собственную ногу.

– Я не ослышался?

– Она хотела отрезать себе ногу, – четко выговорила Робин, и покупательница, выбиравшая розовое вино, бросила на нее испуганный взгляд.

– Матерь божья, – пробормотал Страйк, – и мне еще запрещают называть их шизиками. Как думаешь, она провернула это дельце и решила меня обрадовать?

– Я думаю, – Робин своим тоном пресекла всякое ерничество, – что такого рода письмо заслуживает внимания. У некоторых людей действительно есть потребность отрезать кусочки своей плоти, это известное науке явление, называется... нет, не «шиза», – добавила она, точно предугадав реакцию босса, и он рассмеялся. – А другое письмо, очень длинное, было подписано инициалами. Там бесконечно смаковалась тема твоей ноги и желание загладить вину.

– Кто хотел загладить вину, тот прислал бы мужскую ногу, а не женскую. Могу себе представить, какой идиотский видок был бы у меня на...

– Прекрати! – сказала Робин. – Это не тема для шуток. Не верю, что у тебя язык повернулся.

– А я не верю, что у тебя не повернулся, – беззлобно парировал Страйк.

Из трубки до слуха Робин донесся знакомый скрежет, а потом звучный лязг.

– Ты полез в коробку для шизы!

– Я считаю некорректным говорить «коробка для шизы», Робин. Это неуважительно по отношению к нашим согражданам с психическими расстройствами...

– До завтра, – невольно улыбнулась Робин и отсоединилась, не дослушав хохота босса.

Когда она побрела дальше по проходу, на нее с новой силой нахлынула усталость, не отступавшая весь день. Принять решение о покупке съестного оказалось непосильной задачей. Насколько легче было бы закупаться по списку, составленному кем-то другим! Как работающая мать семейства, которая высматривает, что можно приготовить на скорую руку, она сдалась и купила побольше пасты. В очереди к кассе перед ней оказалась молодая

мать с горластым младенцем, который исчерпал свои возможности и уснул мертвецким сном, выставив вперед кулачки и крепко зажмурившись.

– Какой зайчик, – сказала Робин: ей показалось, что молодая мать ждет похвалы.

– Когда спит, – ответила та с вялой улыбкой.

Отперев дверь в квартиру, Робин лишилась последних сил. Как ни удивительно, Мэтью встречал ее в тесной прихожей.

– Продуктов накупил! – похвалился он, заметив у нее в руках четыре набитых пакета, не смог сдержать разочарования: его широкий жест подпортили ложкой дегтя. – Я же послал тебе эсэмэску, что иду в «Вейтроуз»!

– Наверно, я пропустила, – сказала Робин. – Извини.

Не иначе как она тогда говорила по телефону со Страйком. Вполне возможно, что Мэтью оказался в супермаркете одновременно с ней, но она половину времени провела в винном отделе.

Мэтью шагнул вперед, вытянул руки и заключил свою невесту в объятия, показавшиеся ей нарочито великодушными. И все же Робин, как всегда, не могла не отметить, что выглядит он потрясающе: темный костюм, зачесанные назад густые каштановые волосы.

– Натерпелась ты, – прошептал он, обдавая теплом своего дыхания ее волосы.

– Да уж, – сказала она, обнимая его за талию.

Они мирно поужинали пастой и ни разу не упомянули Сару Шедлок, Страйка и Жака Бургера. Если утром Робин захлестывали амбиции – она хотела во что бы то ни стало заставить Мэтью признать, что курчавой шевелюрой восхищалась не она, а Сара Шедлок, – то теперь ее вознаграждали за зрелость и стойкость, но тут Мэтью виновато объявил:

– После ужина мне придется немного поработать.

– Без проблем, – ответила Робин. – Я все равно хотела лечь пораньше.

Она выпила чашку диетического горячего шоколада и взяла с собой в постель журнал «Грация», но так и не смогла сосредоточиться. Минут через десять она встала, сходила за ноутбуком, вернулась с ним в постель и погуглила «Джефф Уиттекер».

Статью из Википедии она пролистала давно, когда украдкой копалась в прошлом Страйка, но теперь стала читать внимательно. Материал начинался со стандартных отказов от ответственности.

В Википедии есть статьи о других людях с фамилией Уиттекер.

Эта статья нуждается в дополнительных источниках для улучшения проверяемости.

Возможно, этот раздел содержит оригинальное исследование.

Джефф Уиттекер (р. 1969) – музыкант, известный главным образом женьбой на «супергруппы» 1970-х гг. Леде Страйк. Обвинялся в ее убийстве в 1994.^[1]

Внук дипломата сэра Рэндолфа Уиттекера, кавалера ордена Подвязки и ордена «За безупречную службу».

Детство и юность

Уиттекер воспитывался дедом и бабкой. Его несовершеннолетняя мать Патриция Уиттекер страдала шизофренией. ^[добавить цитату] Отца Уиттекер не знал ^[добавить цитату].

Был исключен из школы «Гордонстаун» за то, что угрожал ножом учителю. ^[добавить цитату]

Утверждает, что после этого дед на трое суток запер его в сарае; дед отрицает этот факт. ^[2] В подростковом возрасте сбежал из дома, бродяжничал.

По собственному признанию, работал могильщиком ^[добавить цитату].

Музыкальная карьера

В конце 1980-х - начале 1990-х Уиттекер был гитаристом и автором текстов ряда трэш-метал-групп, в т. ч. *Restorative Art*, *Devilheart* и *Necromantic*. [3][4]

Личная жизнь

В 1991, пытаясь подписать контракт от имени группы *Necromantic*, [добавить цитату] Уиттекер познакомился с сотрудницей студии звукозаписи Ледой Страйк, бывшей возлюбленной Джонни Рокби и Рика Фантони. Уиттекер и Страйк поженились в 1992. В декабре того же года у них родился сын, Свитч Ла-Вей Блум Уиттекер. [5]

В 1993 Уиттекера выгнали из группы *Necromantic* за злоупотребление наркотиками. [добавить цитату] В 1994, когда Леда Уиттекер умерла от передозировки героина, Уиттекеру предъявили обвинение в убийстве. Суд его оправдал. [6][7][8][9]

В 1995 подвергся повторному аресту за умышленное нанесение телесных повреждений и попытку похищения сына, находившегося под опекой деда и бабки Уиттекера. Был осужден условно за причинение вреда здоровью деда. [добавить цитату]

В 1998 Уиттекер угрожал ножом коллеге и был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. [10][11]

В 2002 был осужден за препятствие законной процедуре похорон. Его сожительница Карен Эйбрахам умерла, как было установлено, от сердечной недостаточности; Уиттекер в течение месяца хранил ее тело в их общей квартире. [12][13][14]

В 2005 Уиттекер был осужден за распространение крэка.

Робин перечитала эту страницу дважды. Определенно, сегодня ей было трудно сосредоточиться. Информация будто бы скользила по поверхности сознания и не усваивалась. Запомнились лишь отдельные фрагменты биографии Уиттекера, поразившие Робин своей странностью. Зачем целый месяц прятать в квартире труп? Быть может, Уиттекер опасался нового обвинения в убийстве? Или у него была другая причина? Тела, конечности, куски мертвой плоти... Отпив горячего шоколада, Робин поморщилась от вкуса ароматизированной пыли. Вознамерившись похудеть, чтобы хорошо смотреться в подвенечном платье, она уже месяц не прикасалась к настоящему шоколаду.

Поставив кружку на ночной столик, она забегала пальцами по клавиатуре и искала изображения на тему «Джефф Уиттекер суд».

Экран заполнили разделенные восемью годами картинки с изображениями двух разных Уиттекеров у двух разных залов суда.

Молодой Уиттекер, обвиняемый в убийстве жены, носил стянутые в конский хвост косички-дреды. Черный костюм и галстук придавали ему кобелиный шик, а высокий рост позволял смотреть поверх голов фоторепортеров. Скулы четко очерченные, кожа с желтизной, необычные, широко посаженные глаза, как у поэта – курильщика опиума или у еретика-священника.

Уиттекер, обвиняемый в препятствии похоронам другой женщины, утратил свою порочную привлекательность. Он слегка обрюзг, отпустил бороду и сделал брутальную армейскую стрижку. Не изменились только широко посаженные глаза и беспардонное высокомерие.

Робин медленно проскролила изображения вниз. Вскоре снимки «Страйкова Уиттекера», как она говорила про себя, сменились фотографиями его тезок, когда-либо имевших дело с правосудием. Так, чернокожий херувимчик по имени Джефф Уиттекер засудил своих соседей, чья собака регулярно гадила у него на лужайке.

Почему Страйк решил, что ногу мог прислать бывший отчим (всего на пять лет старше

пасынка, с изумлением отметила Робин)? Когда он в последний раз виделся с человеком, которого подозревал в убийстве Леды? Робин поймала себя на том, что еще многого не знает о своем боссе. Теперь она набрала «Эрик Блум».

Первое, что пришло ей на ум при виде рокера семидесятых, одетого в кожу: волосы у него точь-в-точь как у Страйка – темные, густые, курчавые. Невольно вспомнились Жак Бургер и Сара Шедлок, отчего настроение совсем упало. Она решила пробить двух других подозреваемых, но забыла, как их зовут. Дональд... а дальше? И какая-то нелепая фамилия на букву «Б»... В принципе, память никогда ее не подводила. Даже Страйк хвалил. Почему же сейчас не удавалось вспомнить?

Но с другой-то стороны, что изменится, если она вспомнит? Ноутбука явно недостаточно, чтобы разыскать двух человек неизвестно где. Опыт, накопленный Робин за время работы в сыскном агентстве, подсказывал, что люди, которые живут под чужим именем, бродяжничают, селятся в сквотах или съемных квартирах и не регистрируются на избирательных участках, с легкостью могут проскользнуть сквозь ячейки любой базы данных. После нескольких минут раздумий, ругая себя за едва ли не предательство по отношению к боссу, Робин вбила в поисковую строку «Леда Страйк», а потом, стораая со стыда, приписала «голая».

Снимок оказался черно-белым. Юная Леда позировала, заложив руки за голову, в темном облаке волос, ниспадающих на грудь. По дуге величиной с ноготь большого пальца над клинышком лобковых волос тянулась выколота витиеватым шрифтом надпись. Слегка прищурившись, как будто для того, чтобы сделать очертания чуть размытыми и тем самым хоть немного сгладить свою наглость, Робин развернула фотографию во весь экран. Сильнее увеличивать не хотелось, да в этом и не было необходимости. Слова «Mistress of» читались безошибочно.

За стенкой спальни в ванной заработала вентиляция. Виновато вздрогнув, Робин закрыла страницу, которую просматривала. В последнее время Мэтью взял привычку совать нос в ее ноутбук, и с месяц назад Робин застучала его за чтением ее переписки со Страйком. Памятуя об этом, она открыла ту же страницу, очистила всю историю посещения сайтов, вернулась к своим настройкам и после секундного колебания сменила пароль на *Don't Fear The Reaper*. Вот так ему.

Она выскользнула из кровати, чтобы отнести кружку на кухню и выплеснуть горячий шоколад в раковину, но тут же сообразила, что совершенно упустила из виду Теренса Мэлли по кличке Диггер. Ну да ладно: у полицейских куда больше возможностей для поиска лондонского гангстера, чем у них со Страйком.

Да и не важно, сонливо подумала она, возвращаясь в спальню. Мэлли тут ни при чем.

Кабы не вытекли у него последние мозги – любимая присказка его мамыши, злобной стервы («Последние мозги вытекли, что ли, паскудник мелкий?»), кабы не вытекли у него мозги, нипочем не увязался бы за Секретуткой сразу, как ногу ей всучил, прямо наутро. Да только трудно бороться с соблазном, если не знаешь, когда еще такая возможность подвернется.

Зуд снова пойти за ней следом подступил в ночи: так и тянуло поглядеть, какая у нее физиономия стала от такого подарочка. С завтрашнего дня такой вольницы уже не будет, поскольку Чудо вернется домой и потребует к себе безраздельного внимания. Чуду надо угождать, оно как-никак деньгу зашибает. Мудилище тупое, но ласку любит и даже не замечает, что взяло его на содержание.

Отправил он это Чудо с утраца на заработки – и бегом Секретутку высматривать у станции метро. Решение-то было правильное: она теперь в контору не ходила. Он так и задумал – сломать ее распорядок доставкой ноги, и все получилось. У него, считай, задумки всегда срабатывали. В слежке он поднаторел. Сегодня то шапку вязаную натягивал, то с непокрытой головой ходил. Разделся до футболки – затем куртку накинул, а дальше куртку наизнанку вывернул, очки темные надел – снял.

Для него Секретутка почему так важна, важней любой другой бабенки: через нее можно Страйка наказать, только надо подкараулить в тихом месте. Задумка отомстить Страйку – да так, чтоб жестко, раз и навсегда, – созрела у него давно и мало-помалу стала целью всей жизни. Он всегда таким был. Кто его разозлил, тот, считай, уже меченый, нужно только дожидаться удобного случая, а терпения у него предостаточно. Корморан Страйк причинил ему больше зла, чем кто бы то ни было, и должен заплатить по всей строгости. На несколько лет он упустил Страйка из виду, а потом на этого ублюдка слава обрушилась: герой, знаменитость. На самом-то деле такая слава не Страйку, а ему причиталась. Читал он льстивые статейки про эту его хлызду – и будто укус плотал, но ни одной строчки не пропустил: свою мишень нужно изучить от и до, чтобы отомстить по полной программе.

Он намеревался причинить Страйку нечеловеческую боль, и это правильно, ведь сам-то он повыше человека будет, на сверхчеловека потянет. Поставить Страйка на перо в темном переулке – это было бы тому как счастье. Нет, наказание будет медленным и неизведанным, чтобы напугать до полусмерти, истерзать и под конец сгноить. И ведь никто не заподозрит – с чего бы? Три раза он выходил сухим из воды: трех девок порешил, и ни одна собака не пронюхала, кто это сделал. Такая удача вселяла в него уверенность: свежий номер «Метро» он прочел без тени паники, переполняясь только гордостью и удовлетворением от истерических воплей об отрезанной ноге, смакуя запахи страха и смятения, исходящие от каждого репортажа, и жалкое бляенье широкой публики – овец, почуявших волка.

Сейчас ему требовалось только одно: чтобы Секретутка срезала путь и прошлась по безлюдной улочке... но Лондон круглые сутки пульсировал и кишел народом, вот и приходилось в расстройстве и досаде опасно топтаться неподалеку, когда она зависала у Лондонской школы экономики.

А ведь Секретутка сама кого-то выслеживала, и нетрудно было вычислить, кого именно. Ее мишень, выделявшаяся в любой толпе платиновыми волосами, к концу дня приводила Секретутку обратно на Тотнэм-Корт-роуд.

Теперь мишень исчезла в стрип-клубе, а Секретутка зашла в паб напротив. Он прикинул, стоит ли ему соваться внутрь, но сегодня она была как-то по-особому бдительна, поэтому он направился в японский ресторанчик с большими окнами, занял место у окна и приготовился ждать.

Осечки не будет, сказал он себе, глядя сквозь темные очки на многолюдный тротуар. Он до нее доберется. И за эту мысль нужно держаться, потому что сегодня вечером его ожидало возвращение к Чуду и к полужизни – к лживой жизни, которая позволяла Ему настоящему ходить и дышать тайно.

В заляпанном, пыльном окне отражалась его неприкрытая мина без той светской глазури, что помогала ему втираться в доверие к женщинам – будущим жертвам его чар и ножей. На поверхность выбиралось существо, жившее у него внутри и не искавшее ничего, кроме утверждения своей власти.

*I seem to see a rose,
I reach out, then it goes.*

Blue Öyster Cult. «Lonely Teardrops»^[15]

Как и ожидал Страйк с того самого момента, когда весть об отрезанной ноге разорвалась бомбой, ему тут же позвонил старый знакомый из «Ньюс оф зе уорлд». Доминик Калпеппер вышел на связь во вторник, с самого утра; он рвал и метал. Репортер даже слушать не хотел, что у Страйка были особые причины не звонить ему при виде отсеченной конечности; вдобавок Страйк еще больше усугубил положение тем, что отказался информировать Калпеппера (и, естественно, отверг приличный задаток) обо всех подробностях дела по мере их поступления.

Калпеппер не раз давал Страйку подзаработать, но с окончанием телефонного разговора детектив понял, что этот источник дохода отныне будет перекрыт. Калпеппер был вне себя.

Страйк и Робин смогли переговорить только во второй половине дня. С рюкзаком за спиной, Страйк позвонил ей из переполненного «Хитроу-экспресса».

– Ты где? – спросил он.

– В пабе напротив «Мятного носорога»^[16], называется «Корт», – ответила она. – А ты где?

– Еду из аэропорта. К счастью, Папа-Злодей сел на самолет.

Страйк следил на Папой-Злодеем, крупным банкиром, по поручению его жены. Эта пара вела ожесточенную борьбу за опеку над детьми. Отъезд мужа в Чикаго означал, что у Страйка выдастся несколько ночей отдыха: ему временно не придется наблюдать за банкиром, который в четыре часа утра парковался перед домом жены, надевал очки ночного видения и устремлял свой взор на окна спальни двоих несовершеннолетних сыновей.

– Я подъеду, – сказал Страйк. – Никуда не срывайся... если, конечно, Платина с кем-нибудь не умоет.

Платиной они прозвали русскую студентку Лондонской школы экономики, а по совместительству – стриптизершу. Их нанял для слежки ее бойфренд, которого Страйк и Робин нарекли «мистер Повторный»: во-первых, он обратился к ним повторно с аналогичным поручением: следить за его подругой-блондинкой, а во-вторых, он, судя по всему, раз за разом ловил кайф, когда узнавал об изменах любовниц.

Робин считала мистера Повторного зловещей и вместе с тем жалкой личностью. Платину он подцепил в том самом клубе, за которым сейчас наблюдала Робин. Им со Страйком предстояло выяснить, не пользуются ли другие мужчины теми же привилегиями, какие в последнее время предоставлялись Повторному. Как ни странно (сам Повторный этому бы не поверил и не обрадовался), его нынешняя пассия оказалась нехарактерно моногамной особой. С месяц понаблюдав за ее передвижениями, Робин убедилась, что девушка ведет замкнутый образ жизни, обедает в одиночку, обложившись учебниками, и почти не общается с подругами.

– Мне кажется, она подрабатывает в клубе, чтобы оплачивать свое образование, – поделилась Робин со Страйком по истечении первой недели. – Если мистер Повторный не хочет, чтобы на нее глазели другие, почему он ее не спонсирует?

– Главная прелесть этой девушки в том, что она елозит на коленях у чужих мужиков, – терпеливо объяснил Страйк. – Удивительно, что он только сейчас нашел себе такое сокровище. Подходит ему по всем статьям.

Страйк заходил в клуб вскоре после получения этого заказа и заручился поддержкой волоокой брюнетки с неожиданным прозвищем Вороненок, – та обещала последить за подругой его клиента. Вороненок должна была выходить на связь раз в день, сообщать, чем занята Платина, и немедленно ставить их в известность, если русская девушка вздумает записать кому-нибудь телефончик или пофлиртовать.

Правила клуба запрещали девушкам обниматься и заигрывать с посетителями, но мистер Повторный был убежден («Страдалец хренов», – говорил Страйк), что он – лишь один из многих, кто водит его подругу в рестораны и ложится с ней в постель.

– Все-таки я не понимаю, – со вздохом и уже не в первый раз говорила по телефону Робин, – зачем так уж необходимо здесь околачиваться, если звонок от Вороненка можно принять где угодно.

– Все ты понимаешь, – отрезал Страйк, готовясь к выходу. – Ему нравится, чтобы были фотографии.

– Но на этих фотографиях она просто идет на работу и с работы.

– Ну и что? Его это заводит. А кроме того, он убежден, что она вот-вот выйдет из клуба с каким-нибудь русским олигархом.

– Тебе не кажется, что после такой работы не отмоешься?

– Профессиональный риск, – как ни в чем не бывало ответил Страйк. – До скорого.

Робин томилась в окружении обоев с цветочками и позолотой. Обитые парчой кресла и разрозненные абажуры составляли разительный контраст с огромным плазменным экраном, который показывал футбол и рекламу кока-колы. Деревянные детали были выкрашены в модный нынче цвет небеленого полотна – сестра Мэтью выбрала такой для гостиной. На Робин он нагонял тоску. Вход в клуб слегка загораживали деревянные балясины лестницы, ведущей наверх. На улице в обе стороны неся сплошной поток транспорта; время от времени обзор закрывали двухэтажные автобусы.

Страйк явился в раздражении.

– Рэдфорд отвалился, – сообщил он, бросая рюкзак на пол у стола. – Только что звонил.

– Не может быть!

– И тем не менее. Он считает, что ты теперь стала слишком узнаваемой персоной и не сможешь внедриться к нему в офис.

В сводках новостей посылка с отсеченной конечностью фигурировала с шести утра. Уордл сдержал слово и заблаговременно предупредил Страйка. Детектив успел покинуть свою мансарду на рассвете, прихватив с собой смену одежды на несколько дней. По опыту он знал, что к входу вот-вот слетятся репортеры.

– И еще... – продолжил Страйк, возвращаясь к Робин с пинтой пива и присаживаясь на барный стул. – Хан тоже сдрейфил. Собирается обратиться в такое агентство, куда не стекаются части тел.

– Холера ему в бок! – выпалила Робин и тут же осеклась. – Что ты ухмыляешься?

– Да просто так. – Страйк не хотел признаваться, что ему нравится, как она произносит

«холера ему в бок». На этих словах у нее всегда прорезался йоркширский акцент.

– Такие были классные заказы, – огорчилась Робин.

Страйк выразил согласие, не сводя глаз со входа в «Мятный носорог».

– Как там Платина? Вороненок выходила на связь?

Поскольку Вороненок только что звонила, Робин смогла доложить Страйку, что новостей, как всегда, нет. Платина пользовалась большим успехом у посетителей и в тот день исполнила три танца на коленях у желающих, причем, согласно правилам заведения, вполне пристойно.

– Читала? – Он ткнул пальцем в оставленный кем-то на соседнем столе номер «Миррор».

– Только интернет-версию, – ответила Робин.

– Надеюсь, какая-никакая информация теперь поступит, – сказал Страйк. – Кто-нибудь наконец заметит, что потерял ногу.

– Ха-ха, – сказала Робин.

– По-твоему, еще рано?

– Да, – холодно ответила она.

– Я вчера вечером в Сети покопался, – сообщил Страйк. – Не исключено, что Брокбэнк в две тысячи шестом проживал в Манчестере.

– А ты уверен, что это тот самый?

– Не-а, но возраст подходящий, средний инициал совпадает...

– Неужели ты помнишь его инициалы?

– Угу. Но похоже, из Манчестера он сдернул. Та же история, что с Лэйнгом. Я почти уверен, что в две тысячи восьмом этот кантовался в Корби, но потом переехал. Скажи-ка, – добавил Страйк, взглядываясь в окно, – вон тот мужик в камуфляжной куртке и темных очках давно сидит в японской кафешке?

– С полчасика.

Страйк мог поручиться, что человек в темных очках наблюдает за ним через улицу сквозь двойное оконное стекло. Плечистый, долговязый, он выглядел слишком крупным на серебристом стульчике. Страйку мешали отражения машин и прохожих. Уверенности не было, но ему померещилась густая щетина.

– А что там происходит? – полубопытствовала Робин, указывая в направлении входных дверей «Мятого носорога» под тяжелым металлическим козырьком.

– В стрип-клубе? – Страйк даже растерялся.

– Нет, в японской кафешке, – саркастически бросила Робин. – Естественно, в стрип-клубе!

– Ничего особенного. – Страйк не вполне понимал, о чем она спрашивает.

– Как он выглядит?

– Весь в позолоте, в зеркалах. Приглушенный свет. – Поймав выжидательный взгляд Робин, он продолжил: – В центре – шест, возле него танцуют.

– Разве не на коленях у клиентов?

– Для этого есть отдельные кабинеты.

– А что на девушках надето?

– Затрудняюсь сказать. По минимуму.

У него зазвонил мобильный: Элин.

Робин отвернулась и стала вертеть лежащие перед ней очки для чтения, в которые была

вмонтирована камера для съемки перемещений Платины. Впервые увидев этот гаджет, она пришла в восторг, но с тех пор он ей изрядно надоел. Попивая томатный сок, она смотрела в окно и старалась не прислушиваться к беседе Страйка и Элин. По телефону он всегда говорил со своей подругой обыденным тоном, но, вообще-то, Робин не могла даже вообразить, чтобы ее босс нашептывал кому-нибудь нежности. Мэтью, к примеру, когда бывал в настроении, называл ее Робси или Рози-Пози, но в последнее время такое случалось все реже.

– ...у Ника с Илсой, – говорил Страйк. – Ага. Нет. Согласен... ага... ладно... и тебе...

Разговор закончился.

– Ты к ним собираешься перебраться? – спросила Робин. – К Нику с Илсой?

Это были его самые надежные друзья юности. Пару раз Робин видела их в агентстве и прониклась теплым чувством к обоим.

– Да, они говорят, что я могу оставаться у них сколько угодно.

– А почему не у Элин? – спросила Робин, рискуя получить отпор: она знала, что Страйк никогда не смешивает профессиональные дела с личными.

– Не получится, – ответил он без малейшего раздражения, но уточнять не стал. – Совсем забыл, – продолжал он, вглядываясь в японское кафе; столик, за которым сидел человек в камуфляже, пустовал. – Смотри, что я тебе принес.

Это был брелок с тревожной кнопкой.

– У меня уже есть. – Робин вытащила из кармана пальто похожий.

– Нет, этот лучше. – Страйк продемонстрировал ей принцип действия. – Нужно, чтобы была сирена по меньшей мере на сто двадцать децибел и разбрызгиватель несмываемой краски.

– Мой выдает сто сорок децибел, – не сдавалась Робин.

– И все равно этот лучше.

– Мужчина всегда считает, что его гаджет – самый лучший, – сказала Робин.

Страйк посмеялся и допил пиво.

– До встречи.

– Ты сейчас куда?

– Со Штырем хочу потолковать.

Этого имени Робин еще не слышала.

– Он мне дает кое-какие наводки, за которые можно поторговаться с полицией, – объяснил Страйк. – Осведомитель, помнишь? Рекомендовал меня одному гангстеру как своего.

– Ах, этот, – вспомнила Робин. – Ты не говорил, как его зовут.

– Штырь – мой козырь в поисках Уиттекера, – добавил Страйк. – Вполне может быть, что он к тому же располагает информацией о Диггере Мэлли. Это одна компашка. – Страйк прищурился. – Поосторожней там с этим типом в камуфляже.

– Ты нервничаешь.

– Да, черт возьми, Робин, я нервничаю. – Он достал из кармана пачку сигарет, хотя до метро было два шага. – Нам, видишь ли, прислали отрезанную ногу.

One Step Ahead of the Devil^[17]

Какая приятная неожиданность: увидеть на другой стороне улицы калеку Страйка – вон еле-еле ковыляет по тротуару к пабу «Корт». Ну и разнесло же этого болвана с момента их последней встречи, тащится со своим рюкзаком, один в один – тупой солдафон, каким и запомнился, и ведь понятия не имеет, что отправитель отрезанной ноги находится в каких-то пятидесяти метрах от него. Великий сыщик, мать его! В паб прется на встречу со своей Секретуткой. Как пить дать, трахает ее. По крайней мере, на это можно надеяться. Если так, осуществить задуманное будет еще приятнее. Сквозь солнцезащитные очки он наблюдал за Страйком, который сел прямо у окна и, как ему показалось, вдруг оглянулся. Конечно, разглядеть черты лица через дорогу, двойное оконное стекло и темные очки невозможно, но было что-то особенное в далекой фигуре сыщика, в его физиономии, обращенной прямо к наблюдателю, отчего тот сильно напрягся. Они смотрели друг на друга через улицу, по которой грохотал транспорт, время от времени загораживая им вид.

Дождавшись, чтобы обзор перекрыли три идущих вплотную, один за другим, двухэтажных автобуса, он резко вскочил со своего места, выскользнул из стеклянных дверей кафешки и шмыгнул в переулок.

Его трясло; он сорвал с себя камуфляжную куртку и вывернул наизнанку. Выбрасывать ее в мусорный бак никак нельзя: за подкладкой спрятаны ножи. В очередной раз юркнув за угол, он бросился бежать.

With no love, from the past.

Blue Öyster Cult. «Shadow of California»^[18]

Из-за непрерывного потока транспорта Страйк не смог сразу перейти Тотнэм-Корт-роуд; оставалось только ждать, всматриваясь в толпу прохожих на противоположном тротуаре. Наконец он пересек проезжую часть и заглянул в окно японского кафе, но не увидел камуфляжной куртки. Ни один из посетителей, одетых в рубашки и футболки, ни ростом, ни телосложением не напоминал того типа в солнцезащитных очках. У Страйка в кармане куртки дрогнул мобильник. Пришло сообщение от Робин:

Спокойно.

Ухмыльнувшись, Страйк помахал на прощание окнам «Корта» и направился в сторону метро.

Возможно, Робин права: зря он так дергается. Какова вероятность того, что псих, приславший эту ногу, будет в открытую следить за Робин? И все же пристальный взгляд того громилы в камуфляжной куртке вызывал определенные подозрения, как и его темные очки: на улице не так уж и солнечно. Случайно ли он исчез как раз в тот миг, когда оказался вне поля зрения Страйка? Беда в том, что воспоминания сыщика о внешности троих интересовавших его сейчас людей были, по сути, бесполезны: ведь он не видел Брокбэнка уже восемь лет, Лэйнга – девять, а Уиттекера – целых шестнадцать. Любой из них мог за это время набрать или сбросить вес, полысеть, отрастить бороду или усы, стать инвалидом или накачать мышцы. Сам Страйк со времени знакомства с ними успел лишиться ноги. Единственное, чего не замаскируешь, – это рост. Все трое субъектов, не дававших покоя Страйку, были ростом как минимум выше среднего, и Камуфляж вполне отвечал такому описанию.

Вблизи станции метро «Тотнэм-Корт-роуд» у Страйка в кармане завибрировал телефон; звонил, к счастью, Грэм Хардэйкр. Отойдя в сторону, чтобы не мешать прохожим, Страйк ответил на звонок.

– Здорóво, – послышался голос его бывшего сослуживца, – как дела, старина? Слышал, тебе присылают отрезанные конечности?

– Я так понимаю, ты сейчас не в Германии? – отозвался Страйк.

– В Эдинбурге, уж полтора месяца. Недавно вот прочитал о тебе в «Скотсмене».

У Отдела специальных расследований Королевской военной полиции был филиал в Эдинбургском замке: тридцать пятый отдел. Назначение туда считалось престижным.

– Харди, дело есть, – сказал Страйк. – Требуется кое-какая инфа. Ноэла Брокбэнка помнишь?

– Забудешь такого, как же. Седьмая бронетанковая, если память мне не изменяет?

– Ага, он самый. Второй – Дональд Лэйнг. Я его знал еще до знакомства с тобой. Он из Королевского собственного пограничного полка. Мы с ним на Кипре служили.

– Вернусь в контору – сделаю все, что смогу, дружище. Я сейчас в чистом поле стою.

Беседу об общих знакомых прервал усилившийся в час пик шум транспорта. Хардэйкр

пообещал перезвонить, когда наведет справки в военном архиве, и Страйк спустился в метро. Через полчаса он вышел на станции «Уайтчепел» и обнаружил эсэмэску от человека, с которым у него была назначена встреча:

Приболел отбой перезвоню.

Очень досадно и не вовремя, но совершенно не удивительно.

Учитывая, что у Страйка не было ни партии наркотиков, ни толстой пачки немеченых банкнот, ни намерения кого-то припугнуть или избить, Штырь и так оказал ему большое уважение, когда соизволил назначить дату и место встречи.

Страйк провел целый день на ногах, культия нещадно ныла, но у метро присесть было негде. Он прислонился к желтой кирпичной стене у входа и набрал номер Штыря.

– Ну чё тебе, Бунзен?

Как возникло прозвище Штырь, Страйк уже забыл и понятия не имел, почему Штырь называет его самого Бунзеном. Они познакомились, когда им было по семнадцать, но их отношения, хотя и довольно тесные, мало походили на обычную подростковую дружбу. По сути, это была не дружба в привычном понимании, а скорее вынужденное братство. Страйк был уверен, что Штырь в случае чего станет оплакивать его смерть, но не сомневался также, что, останься Штырь один на один с его трупом, он приберет к рукам все, что найдет ценного. И при этом будет считать, что где-то на небесах Страйк только радуется, видя, как его бумажник переключивается к нему, Штырю, а не к какому-нибудь проходимцу.

– Занят, Штырь? – Страйк закурил.

– Да, Бунзен. Сегодня никак. А чё те приспичило?

– Я Уиттекера ищу.

– Разобраться с ним хочешь?

Перемена в голосе Штыря встревожила бы любого, забудь он, кто такой Штырь и чем занимается. Для него и его братвы единственным верным способом прекратить вражду было убийство, и, как следствие, половину сознательной жизни он провел за решеткой. Штырю было за тридцать, и Страйка удивляло, что тот вообще дожил до такого возраста.

– Просто хочу знать, где он кантуется, – с нажимом ответил Страйк.

Вряд ли Штырь слышал об отрезанной ноге, ведь в его мире новости ограничивались сугубо личными интересами и передавались через знакомых.

– Могу поспросить.

– Бабло – по таксе, – сказал Страйк, у которого со Штырем была постоянная договоренность о вознаграждении за полезную информацию. – И еще... Штырь? – Этот перец имел обыкновение вешать трубку, когда его что-то отвлекало.

– Еще чего-то? – переспросил Штырь.

Голос его будто удалился, а затем приблизился. Насколько понял Страйк, тот убрал телефон от уха, считая, что разговор окончен.

– Да, – сказал Страйк. – Диггер Мэлли.

Молчание в трубке красноречиво свидетельствовало, что не только Страйк помнит, кто такой Штырь, но и Штырь не забывает, кто есть Страйк.

– Строго между нами, Штырь. Ты ведь не трепался обо мне с Мэлли?

Помолчав еще немного, Штырь мрачно ответил:

– На кой хрен мне с ним трепаться?

– Должен был спросить. При встрече объясню.

Опять тревожная тишина.

– Штырь, я тебя когда-нибудь сдавал? – спросил Страйк.

После непродолжительной паузы Штырь заговорил, как показалось Страйку, своим обычным тоном:

– Короче. Уиттекер, ага? Попробуем, Бунзен.

Раздались отрывистые гудки. Штырь не имел привычки прощаться.

Страйк со вздохом закурил новую сигарету. Поездка оказалась напрасной. Только докурить пачку «Бенсон энд Хеджес» – и можно садиться в обратный поезд.

Вестибюль станции метро, стоявший посреди забетонированного двора, обступали задние фасады жилых домов. Вдали, на фоне горизонта, поблескивал «Корнишон»^[19], огромный черный небоскреб в форме пули. Лет двадцать назад, когда семья Страйка какое-то время жила в Уайтчепеле, этого здания еще не было.

Оглядываясь по сторонам, Страйк не испытывал ни ностальгии, ни радости возвращения. Ему были внове и эта забетонированная площадка, и серые спины домов. Даже станция метро казалась лишь смутно знакомой. Сплошная череда переездов и передраг, без которых не обходилась его жизнь с матерью, затуманила воспоминания о конкретных местах; он успел забыть, чья обветшалая квартирка располагалась над угловым магазином и что за паб примыкал к их сквоту.

Вместо того чтобы вернуться в метро, он машинально приближался к той точке, которую обходил стороной вот уже семнадцать лет, – к дому, где умерла его мать. Это был последний сквот, в котором она уютилась, – ветхое двухэтажное строение в минуте ходьбы от метро. По пути он начал мало-помалу вспоминать. Еще бы: по этому металлическому мосту над рельсами Страйк ходил учеником выпускного класса. Всплыло в памяти и название улицы: Каслмэйн-стрит. Определенно, здесь жила одна шепелявая девчонка, его одноклассница...

Дойдя до конца Фулборн-стрит, Страйк замедлил шаг, поймав себя на какой-то двойственности восприятия. Смутные воспоминания об этом месте, полустертые сознательными попытками забыть, вставали у него на пути, как выцветшие слайды. Здания с облупленной штукатуркой остались такими же ветхими, какими запомнились, а вот офисы и магазины были совершенно незнакомы. Страйк будто вернулся в какую-то местность, виденную во сне, но потом сдвинутую и покалеченную. Естественно, ничто не вечно в этих бедных кварталах Лондона, где сменяют друг друга хлипкие предприятия-однодневки; убогие вывески крепятся кнопками, чтобы сподручнее было вешать новые; владельцы уходят: кто в другие пределы, кто в мир иной.

Страйк не помнил номера дома и решил отыскать знакомую дверь, которая вела в бывший сквот; через пару минут она обнаружилась рядом с магазинчиком азиатской и европейской одежды, в котором, по расчетам Страйка, прежде находилась ямайская продуктовая лавка. Указателем послужил латунный почтовый ящик. Каждый приход и уход он отмечал пронзительным лязгом.

Черт, черт, черт...

Прикуриив вторую сигарету от первой, Страйк быстро вышел на заставленную рыночными палатками Уайтчепел-роуд. Все те же дешевые шмотки и яркая пластмассовая утварь. Страйк прибавил шагу. Он сам точно не знал, куда идет, но узнавал некоторые приметы: эта бильярдная находилась здесь и семнадцать лет назад... эта старинная

литейня^[20] тоже... воспоминания, пробуждаясь, жалили так, будто он разворошил гнездо спящих змей...

На пороге своего сорокалетия мать стала заглядываться на мужчин помоложе, и Уиттекер был из них самый молодой: ему исполнился всего двадцать один год. Страйку было шестнадцать, когда Уиттекер появился у них в доме. Музыкант со впалыми, болезненно яркими, золотисто-кариими глазами, он уже тогда выглядел разбитым и опустошенным. На плечи спадали темные косички-дреды; ходил он в одних и тех же джинсах и футболке; от него всегда воняло. В голове Страйка, устало бредущего по Уайтчепел-роуд, в такт шагам звучала расхожая истина.

Что на виду, того не видать. Что на виду, того не видать.

Многие, вероятно, решили бы, что Страйк одержим, несправедлив, не способен отпустить то, что берedit душу. Они сказали бы, что при виде посылки с ногой Страйк тут же заподозрил Уиттекера, поскольку до сих пор не мог смириться, что тот разгуливает на свободе, избежав наказания за убийство Леды. И даже разъясни Страйк причины, по которым подозревал Уиттекера, люди, скорее всего, только высмеяли бы предположение о том, что записной любитель извращений и садизма мог отрезать женщине ногу. Страйк знал, как сильно укоренилось в людских головах убеждение, что злодей всегда скрывает свою опасную склонность к насилию и подавлению. Если же склонность эта выставляется напоказ, доверчивый люд только хохочет, объявляет ее позерством и находит в ней определенную изюминку.

С Уиттекером Леда познакомилась в студии звукозаписи, где была секретаршей, мелкой сошкой, причастной к истории рока и сидевшей идиолом в приемной. В свою очередь, Уиттекер, который брэнчал на гитаре и писал тексты для нескольких трэш-металлических команд, поочередно выгонявших его за неадекватное поведение, пристрастие к наркотикам и агрессивность, утверждал, что познакомился с Ледой, когда пришел заключать договор о записи альбома. Впрочем, Леда потом призналась сыну, что в момент их первой встречи охранники вытаскивали Уиттекера за порог, а она убеждала их быть помягче с этим мальчиком. Леда привела музыканта к себе домой, где он и обосновался всерьез и надолго.

Шестнадцатилетний Страйк не мог знать наверняка, действительно ли Уиттекер наслаждается садистскими и демоническими ритуалами, или все это сплошное фиглярство. Не сомневался он только в одном: что ненавидит Уиттекера всеми фибрами души и ненависть эта гораздо сильнее тех чувств, которые он испытывал к другим временным сожителям Леды. За уроками ему приходилось вдыхать вонь этого подонка, едва ли не пробовать ее на язык. Уиттекер относился к подростку-пасынку свысока: внезапный град язвительных оскорблений демонстрировал его красноречие, которое он предусмотрительно скрывал, когда подлаживался к публике попроще из окружения Леды. Но Страйк тоже не лез за словом в карман. Кроме того, мозг его был не так сильно отравлен марихуаной, а лишь слегка подернут вечным облаком дурмана, висевшим в сквоте. Пока Леда не слышала, Уиттекер издевался над Страйком за решение возобновить прерванную учебу. Высокий и жилистый, Уиттекер сохранял на удивление хорошую форму для человека, ведущего малоподвижный образ жизни; но и Страйк уже перерос за метр восемьдесят и занимался боксом в местном клубе. Напряжение между этими двумя сгущало прокуренный воздух и грозило вылиться в бойню.

Постоянными издевками, домогательствами и насмешками Уиттекер заставил сводную сестру Страйка навсегда уйти из дома. Отчим с самодовольным видом разгуливал по комнате

нагишом, почесывая татуированную грудь и глумясь над униженной четырнадцатилетней девочкой. Однажды вечером она добежала до телефонной будки на углу, позвонила дяде с тетей и упросила забрать ее к себе. С рассветом их машина остановилась у сквота: они всю ночь добирались до Лондона из Сент-Моза. Люси поджидала их с маленьким чемоданчиком, куда уместились ее скудные пожитки. Больше она никогда не возвращалась к матери.

Стоя на пороге, Тед и Джоан уговаривали Страйка тоже уехать с ними. А он все еще надеялся выжить Уиттекера из дома, чтобы не оставлять маму с ним наедине, и потому отказывался. С каждым теткинским увещанием его решимость только крепла. Ведь он слышал, как Уиттекер говорил о своем желании отнять у кого-нибудь жизнь, будто о какой-то приятной эпикурейцу мелочи.

Тогда Страйк не верил в серьезность его намерений, но знал, что Уиттекер угрожает расправой соседям, а стало быть, по-прежнему пышет злобой. Леда не поверила рассказам Страйка о том, как у него на глазах отчим пытался прибить разбудившую его кошку. В тот раз Страйк вырвал тяжелый ботинок из рук Уиттекера, который с матюгами, размахивая своим говнодавом, бегал по комнате, чтобы покарать обидчицу.

По мере того как Страйк ускорял шаг, в культе, опиравшейся на протез, нарастала боль. Справа, словно по заказу, перед глазами возникло приземисто-квадратное кирпичное здание бара «Конская голова». При входе он заметил вышибалу в темной униформе и вспомнил, что бар переоборудован под стриптиз-клуб.

– Оборзели, – буркнул Страйк.

Его совершенно не трогало, что рядом будут егозить полуголые девицы, лишь бы пиво подавали приличное, но такой заоблачный ценник был ничем не оправдан, тем более что Страйк за один день потерял сразу двух клиентов.

Поэтому он перешел в соседний «Старбакс», нашел свободное место и, положив ноющую от боли ногу на свободный стул, принялся задумчиво помешивать двойной эспрессо. Мягкие серо-коричневые диваны, кофе с пенкой в высоких чашках, сноровистые ребята-бармены за надраенным до блеска стеклянным прилавком – все это, конечно, могло стать идеальным противоядием от гнусного, неотвязного призрака Уиттекера. Но Страйк поймал себя на том, что бессилен против этих воспоминаний...

Пока Уиттекер жил с Ледой, о его былых неладах с законом знали только социальные службы на севере Англии. Он без конца сыпал байками о своей криминальной юности, явно приукрашенными и зачастую противоречивыми. Буквально сразу после его ареста по обвинению в убийстве кое-какая информация все же просочилась – не иначе как от людей, всплывших из его прошлого: одни рассчитывали на мзду от газетчиков, другие рвались отомстить за себя, а третьи как могли пытались его выгораживать.

Родился Уиттекер в обеспеченной семье, принадлежавшей к верхушке среднего класса. Главой семейства был возведенный в дворянское достоинство дипломат, которого Уиттекер вплоть до двенадцати лет считал своим отцом. Именно в этом возрасте ему стало известно, что его старшая сестра, которая, как ему внушали, жила в Лондоне и работала учительницей по системе Монтессори, в действительности – его мать, опустившаяся алкоголичка и наркоманка, отвергнутая родными и прозябающая в нищете. С той поры Уиттекер, и без того трудный подросток, склонный к беспричинным вспышкам злобы и агрессии, сделался решительно неуправляемым. Исключенный из частной школы-интерната, он примкнул к местной банде и вскоре стал в ней главарем. Этот жизненный этап завершился отбыванием срока в исправительной колонии: Уиттекер, державший нож у горла

девушки, проходил вместе со своими друзьями по делу о групповом изнасиловании. В пятнадцать лет он сбежал в Лондон, оставив за собой след мелких правонарушений, и в конце концов отыскал родную мать. Недолгая радость встречи сменилась взаимными оскорблениями и неприязнью.

– Тут не занято?

За спинку стула, на который Страйк положил протезированную ногу, взялся рослый парень. Смазливый кудрявый шатен, он смахивал на Мэтью, жениха Робин. Буркнув что-то невнятное, Страйк убрал ногу, отрицательно помотал головой и посмотрел вслед парню, который забрал стул, чтобы подсесть к ожидавшей его компании человек из шести. Страйк заметил, что девушки очень обрадовались возвращению красавчика; видя, как разрешилась ситуация, они приосанились и просияли. То ли из-за сходства с Мэтью, то ли из-за отнятого стула, то ли в силу интуитивной неприязни Страйк счел поведение парня нестерпимым. Разозлившись, что его потревожили, он даже не притронулся к своему кофе, встал и ушел. На Уайтчепел-роуд его застиг дождь. Больше не противясь взрывной волне воспоминаний, он двинулся по улице, прикуривая одну сигарету от другой.

Уиттекер испытывал почти патологическую потребность быть в центре внимания. Если Леда работала, занималась детьми или общалась с подругами, он приходил в бешенство и переключался на соседок по сквоту, пуская в ход весь арсенал своих гипнотических способностей. Даже Страйк, смотревший на него со стойким отвращением, как на глиста, нехотя признавал, что редкая женщина могла устоять перед чарами Уиттекера. Выдворенный взащей из своей последней музыкальной группы, Уиттекер продолжал грезить о славе. Гитарных аккордов он мог взять не более трех, но любой попадавшийся ему под руку клочок бумаги тут же покрывался сочиненными им текстами, в значительной степени навеянными «Сатанинской библией», которая вечно валялась на тюфяке, где спали Уиттекер с Ледой; Страйку запомнился черный переплет с эмблемой из пентаграммы и козлиной головы. Уиттекер досконально изучил жизнь и творчество Чарльза Мэнсона, главы американской секты. К школьным выпускным экзаменам Страйк готовился под скрежет виниловой пластинки «Manson's LIE: The Love and Terror Cult»^[21].

Уиттекер еще до знакомства с Ледой был о ней наслышан; теперь его увлекали ее рассказы о тусовках, где она бывала, о мужчинах, с которыми переспала. Через нее он как бы сошелся со знаменитостями, и Страйк, узнав его поближе, заключил, что Уиттекер жаждет славы – пожалуй, больше всего на свете. Отчим не видел нравственных различий между своим кумиром Мэнсоном и такими, как рок-звезда Джонни Рокби. И тот и другой заняли прочное место в общественном сознании. Пожалуй, Мэнсон преуспел в этом даже больше, поскольку миф о его личности не зависел от колебаний моды: зло всегда притягательно.

Впрочем, Уиттекера влекла к Леде не только ее известность в определенных кругах. Его возлюбленная успела родить детей от двух состоятельных рок-музыкантов, которые платили ей алименты. Уиттекер стал обитателем сквота в твердом убеждении, что Леда намеренно ведет такой богемно-нищенский образ жизни, а сама держит где-то рядом кубышку, в которую рекой текут денежки Джонни Рокби и Рика Фантони – отцов Страйка и Люси соответственно. Похоже, он не вдавался, да и не верил в истинное положение дел: за годы, прожитые с неумной транжирой Ледой, оба ее прежних сожителя научились оберегать свои средства, чтобы не пойти по миру. Месяц за месяцем Уиттекер исходил злостью и все чаще зубоскалил над Ледой, не желавшей на него тратить. Он закатывал нелепые сцены, когда Леда отказывалась раскошелиться на приглянувшийся ему «Фендер

Стратокастер» или на фирменный бархатный пиджак, который ему, вонючему голодранцу, вдруг приспичило на себя нацепить. Давление усиливалось; Уиттекер сочинял наглые и легко опровергаемые байки: дескать, его пошатнувшееся здоровье требует дорогостоящего лечения; дескать, за просроченный долг кредитор грозит переломать ему ноги. Леда то смеялась, то отчаивалась.

– Милый, ну нет у меня денег, – повторяла она. – Честное слово, дорогой, я сама без гроша, неужели я бы для тебя пожалела?

Леда забеременела, когда Страйку исполнилось восемнадцать: он только-только подал документы в университет. Его охватил ужас, но даже тогда он не верил, что мать выйдет за Уиттекера. Она не переставала твердить сыну, как ненавистно ей замужество. Ее первый, ранний брак продлился всего две недели, после чего она сбежала. Да и Уиттекер, казалось, не имел намерения жениться.

Но все же свадьба состоялась, потому что Уиттекер, несомненно, увидел в ней единственный надежный способ добраться до мифических припрятанных миллионов. Церемонию, по стопам двух участников группы «Битлз», назначили в отделе регистрации Марлибона. Не иначе как Уиттекер воображал, что его начнут фотографировать в дверях, словно Пола Маккартни, но никому не было до него дела. Только смерть ослепительной невесты могла бы собрать на ступенях толпу папарацци.

Неожиданно Страйк обнаружил, что оказался у станции метро «Олдгейт-Ист». Он корил себя за бессмысленный крюк. Сел бы на поезд в Уайтчепеле – уже преспокойно ехал бы к Нику с Илсой. Но его за каким-то дьяволом понесло не в ту сторону, и в метро он оказался в самый час пик.

Его крупная фигура, да еще с рюкзаком за спиной, вызывала скрытое недовольство и раздражение стоящих рядом пассажиров, но Страйк даже не обращал на них внимания. На голову выше остальных, он держался за поручень и, глядя, как его отражение покачивается в темных оконных стеклах, вспоминал последнюю и самую отвратную сцену: Уиттекер в зале суда требует освобождения из-под стражи, потому как следствие нашло нестыковки в его показаниях о собственном местонахождении в тот день, когда его жена ввела себе под кожу иглу; противоречивыми оказались также сведения о происхождении героина и об истории наркозависимости Леды.

Цепочка разношерстных соседей-сквоттеров дала показания о том, что Уиттекер проявлял буйство и жестокость по отношению к жене, что Леда отвергала героин в любой форме, что Уиттекер терзал ее своими угрозами и изменами, твердил об убийстве и деньгах, а когда нашли тело, не очень-то горевал. Свидетели в наивном исступлении, которое шло только во вред делу, твердили, что Леду, вне сомнения, убил Уиттекер. Сторона защиты разбила в пух и прах этот жалкий лепет. Когда же на свидетельское место вызвали студента Оксфорда, чаша весов качнулась в другую сторону.

Поначалу судья не скрывал одобрения, глядя на Страйка: подтянут, умен, излагает четко, хотя и выглядит как грозный великан, даром что в костюме и при галстукe. Сторона обвинения задала вопрос насчет корыстных побуждений Уиттекера. В тишине зала суда Страйк поведал о неоднократных попытках отчима прибрать к рукам денежные средства, которые по большому счету были только плодом его воображения, а также о том упорстве, с каким Уиттекер принуждал Леду вписать его в завещание и тем самым доказать свою любовь.

Золотистые глаза Уиттекера смотрели на него с почти полным безразличием.

В последнюю минуту допроса взгляды Страйка и Уиттекера, находившихся в разных концах зала, встретились. Уиттекер издевательски дернул уголками губ. Он приподнял от стола указательный палец и незаметно дернул им в сторону.

Страйк все понял. Незаметный жест предназначался только ему: уменьшенная копия отработанного удара, который Уиттекер наносил ребром ладони в шею обидчику.

«Ты дождешься, – любил приговаривать Уиттекер, сверкая безумными золотистыми глазами. – Ты дождешься!»

Он хорошо подготовился. Кто-то из его толстосумов-родственников выложил кругленькую сумму, чтобы нанять прожженного адвоката. Ухоженный, прилично одетый, Уиттекер все отрицал спокойным, мягким, почтительным тоном. К заседанию суда он как раз обзавелся продуманной легендой. Все доводы обвинения, избличавшие его истинную сущность (Чарльз Мэнсон на древнем проигрывателе, «Сатанинская библия» на кровати, укуренные разговоры про наслаждение от убийства), разбивались о легкое недоумение Уиттекера.

– Даже не знаю, что сказать... Я ведь музыкант, Ваша честь, – в какой-то момент проговорил он. – Искусство рождается из мрака. Она понимала это, как никто другой.

Его голос театрално дрогнул, и Уиттекер зашелся в бесслезных рыданиях. Адвокат участливо спросил, не нужен ли ему перерыв.

И тогда Уиттекер, мужественно помотав головой, изрек афористичное заявление о смерти Леды:

– Она звала смерть – Девчонка-Негашенка.

Аллюзию понял, видимо, один Страйк, постоянно слышавший эту песню в детстве и юности. Уиттекер процитировал «Mistress of the Salmon Salt».

Отчим вышел сухим из воды. Хотя судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что Леда не страдала героиновой зависимостью, репутация сыграла с ней злую шутку. Она употребляла многие другие наркотики. И вдобавок слыла заядлой тусовщицей. Люди в завитых париках, чья работа заключалась в квалификации тяжких преступлений, сочли вполне закономерным, что Леда умерла на грязном тюфяке, стремясь к наслаждению, которого земная жизнь дать не могла.

На ступенях здания суда Уиттекер заявил, что собирается написать биографию покойной жены, и тут же исчез. Обещанная книга так и не вышла в свет. Ребенка Леды и Уиттекера усыновили многострадальные прабабка и прадед с отцовской стороны, и Страйк больше не видел своего единоутробного брата. Без лишнего шума отчислившись из Оксфорда, он завербовался в армию; Люси поступила учиться; жизнь продолжалась.

Время от времени имя Уиттекера мелькало в прессе – каждый раз в связи с очередной криминальной историей, и дети Леды не могли читать об этом без содрогания. Разумеется, на первые полосы газет он не попадал: его уделом стало жениться на отставных любовницах знаменитостей разного калибра. Добытая таким путем слава была лишь тусклым отражением чужого отражения.

– Этот навозный жук так и будет ползать в дерьме, – сказал Страйк Люси, но она не засмеялась. Грубый юмор как способ описания мерзостей жизни она понимала еще хуже, чем Робин.

Страйк устал и проголодался, у него ныла кулья, и, покачиваясь вместе с вагоном, он ощущал усталость и подавленность, в основном из-за собственной участи. В течение многих лет он уверенно смотрел в будущее. Прошлое не изменить: он не отрицал

случившегося, но зачем понадобилось снова это ворошить, отправляться на поиски сквота, где он не был уже двадцать лет, вспоминать лязг почтового ящика и вопли обезумевшей кошки, в который раз переживать зрелище лежащей в гробу бледно-восковой матери, одетой в платье с рукавами-колокольчиками.

«Ты долбаный идиот, – в ярости твердил себе Страйк, изучая схему метро, чтобы понять, сколько придется сделать пересадок, чтобы добраться до Ника и Илсы. – Уиттекер не имеет отношения к той посылке. Ты просто ищешь повод ему отомстить».

Роковую посылку отправил кто-то методичный, расчетливый и упертый; Уиттекер, по воспоминаниям двадцатилетней давности, был взбалмошным, сумасбродным и переменчивым.

И все же...

Ты дождешься...

Quicklime Girl...

– Черт! – громко выругался Страйк, напугав окружающих.

В этот миг он понял, что проехал пересадку.

*Feeling easy on the outside,
But not so funny on the inside.*

Blue Öyster Cult. «This Ain't the Summer of Love»^[22]

Следующие двое суток Страйк и Робин поочередно следили за Платиной. Страйк под разными предлогами связывался с Робин в середине рабочего дня и отправлял ее домой до наступления темноты, пока в метро было много народу. В четверг вечером он вел слежку до тех пор, пока эта русская не оказалась в безопасности, под неусыпным надзором мистера Повторного, после чего вернулся в Уондсворт, на Октавия-стрит, куда временно переселился, чтобы укрыться от репортеров.

Второй раз за время сыскной работы обстоятельства вынуждали Страйка искать приюта у друзей, Ника и Илсы. Их дом, вероятно, был единственным местом, где его привечали когда угодно, но он тем не менее испытывал неловкость, пока делил кров с работающими супругами. Несмотря на все недостатки тесной мансарды над офисом, туда он приходил и уходил когда вздумается, без риска разбудить соседей лязгом металлических ступеней, и при желании мог перекусить в два часа ночи. А теперь он ощущал себя не в своей тарелке, ежедневно садясь за общий стол, и долго терзался от собственной бесцеремонности, если за полночь лез в холодильник, притом что его друзья ничуть не возражали и даже наоборот.

Зато Страйка не нужно было учить соблюдать аккуратность и тишину. Юные годы, проведенные в самых невообразимых условиях, не прошли бесследно. Илса даже отметила, что присутствия Страйка в доме вообще не заметно: в отличие от ее мужа-гастроэнтеролога, он никогда не разбрасывал вещи и не оставлял нараспашку дверцы посудных шкафов.

Из сообщений знакомых Страйк знал, что у входа в агентство все еще ошиваются репортеры и папарацци, а потому смирился с перспективой провести неделю у Ника и Илсы, в комнате для гостей, голые стены которой тоскливо напоминали о ее первоначальном предназначении. Его друзья много лет безрезультатно пытались завести ребенка. Страйк тактично ни о чем не спрашивал и чувствовал, что они – а в особенности Ник – за это благодарны.

Он знал их обоих очень давно, а Илсу, можно сказать, всю сознательную жизнь. Светловолосая, близорукая, она родилась в корнуэльском городке Сент-Моз, который Страйк считал родным. Они вместе бегали в начальную школу и учились в одном классе. Всякий раз, когда Страйк в отрочестве приезжал в гости к Теду и Джоан, дружба с Илсой возобновлялась как ни в чем не бывало, тем более что их матери тоже дружили со школьной скамьи.

С Ником он свел знакомство в лондонском Хэкни, где оканчивал среднюю школу. Ник и Илса познакомились у Страйка на дне рождения, после чего встречались в течение года, но потом расстались, продолжив учебу в разных университетах. Только в возрасте двадцати пяти лет (русые волосы Ника начали редеть, когда ему стукнуло двадцать) они встретились снова: на тот момент Илса была помолвлена с неким адвокатом, а Ник встречался с коллегой по врачебной практике. В считанные недели оба порвали со своими партнерами, а еще через год сыграли свадьбу, на которую Страйка пригласили свидетелем.

В половине одиннадцатого вечера Страйк вернулся в их дом. Не успел он затворить входную дверь, как Ник с Илсой поприветствовали его из гостиной и пригласили разделить с ними огромную порцию заказанного на дом карри.

– А это что? – спросил он, в замешательстве разглядывая гирлянды с британским флагом, ворох бумажек, какие-то записки и большой пластиковый пакет, наполненный красно-бело-синими одноразовыми стаканчиками.

– На нашей улице организуется праздник в честь королевской свадьбы, – объяснила Илса.

– Боже милостивый...

Страйк помрачнел, наполняя свою тарелку тепловатым мадрасским карри.

– Будет весело! Обязательно приходи.

От взгляда Страйка она сдавленно хихикнула.

– День удачно прошел? – поинтересовался Ник, протягивая ему банку пива «Теннентс».

– Куда там. – Страйк с благодарностью принял пиво. – Облом полный. Минус два клиента.

Ник и Илса сочувственно повздыхали и понимающе умолкли, пока он за обе щеки уплетал карри. Усталый и подавленный, Страйк размышлял о том, что посылка с отрезанной ногой подорвала его бизнес, на который было угрождено столько сил. В связи с этой историей, не имеющей, впрочем, никакого отношения к расследованиям, его фотография теперь не сходила со страниц газет и интернет-сайтов. Пресса не упускала случая напомнить миру, что у Страйка только одна нога; он не стыдился своего увечья, но ни за что не стал бы им спекулировать. В воздухе пахло какой-то гнильцой. У Страйка было такое чувство, будто и сам он гниет заживо.

– Что там с этой ногой? – спросила Илса, когда Страйк прикончил щедрую порцию карри и почти осушил банку пива. – Полицейские хоть что-нибудь делают?

– Завтра вечером обговорю это с Уордлом, но сомневаюсь, что они раскопали нечто стоящее. Сам-то он специализируется на организованной преступности.

Подробности о той троице Страйк держал при себе, считая, что эти подонки – если допустить, что именно они прислали отрезанную ногу, – могут быть опасны и мстительны, хотя как-то раз сказал Нику с Илсой, что в прошлом уже сталкивался с преступником, который отсекал и посылал по почте части тел. Понятное дело, супруги сразу же приняли сторону Уордла, не сомневаясь в вине подозреваемого.

Сидя на мягком зеленом диване, сыщик впервые за долгие годы вспомнил, что Ник и Илса некогда были знакомы с Джеффом Уиттекером. Совершеннолетие Страйка праздновали в Уайтчепеле, в пабе «Белл»; в то время его мать была на шестом месяце беременности. Застывшее маской лицо его тетушки Джоан выражало смесь осуждения и наигранной радости; дядя Тед, который обычно выступал таким буфером между всеми, не сумел скрыть злость и отвращение, когда каланча Уиттекер прервал танцы, чтобы исполнить одну из песенок собственного сочинения. Страйк вспомнил, как разозлился сам: он готов был перенестись куда угодно, хоть в Оксфорд, лишь бы подальше от этого позора. Впрочем, Ник с Илсой, скорее всего, мало что запомнили из событий того вечера: они были слишком заняты друг другом, ошеломленные и пораженные внезапно вспыхнувшим глубоким взаимным интересом.

– Беспокоишься о Робин, – произнесла Илса, больше утверждая, чем спрашивая.

Страйк что-то согласно промычал, пережевывая индийскую лепешку паан. За истекшие

четыре дня он много думал о своей помощнице. В этой опасной ситуации она не по своей вине оказалась уязвимым и слабым звеном; несомненно, тот, кто решил адресовать посылку именно ей, на это рассчитывал. Будь у Страйка в подчинении мужчина, поводов для беспокойства было бы куда меньше.

Не забывал Страйк и о том, что Робин, по сути, не имела никакого профессионального опыта. Зато она могла вызвать на откровенность самого упрямого свидетеля, с которым Страйк, огромный, грозного вида, далеко бы не продвинулся. Ее обаяние и деликатность сотни раз отводили подозрение и открывали не одну дверь, значительно облегчая работу Страйка. Он понимал, сколь многим ей обязан, но сейчас лучше было бы вывести ее из игры, пока отправитель той посылки разгуливает на свободе.

– Мне нравится Робин, – сказала Илса.

– Всем нравится Робин, – почти сразу же хрипло ответил Страйк, вгрызаясь в паан.

Это была чистая правда: его сестра Люси, заходившие в офис приятели, клиенты – все считали нужным сказать Страйку, как нравится им его помощница. Но в голосе Илсы ему послышались нотки любопытства, отчего он взял крайне отчужденный тон в разговоре о Робин и ненадолго успокоился, только услышав следующий вопрос Илсы.

– Как у тебя с Элин?

– Все в норме, – сказал Страйк.

– Она по-прежнему скрывает ваши отношения от своего бывшего? – полюбопытствовала Илса.

– Не жалуешь ты ее, да?

Сам себе удивляясь, Страйк перешел в наступление. За тридцать лет он досконально изучил характер Илсы и сейчас ожидал услышать взволнованное отрицание.

– Что ты, что ты, я к ней очень хорошо отношусь. Правда, я ее совсем мало знаю, но мне кажется, вы вполне счастливы, а это самое главное.

Своим выпадом Страйк рассчитывал прекратить всякие расспросы о Робин; Илса не первой из его друзей подъезжала: если он так замечательно сработался с Робин, не значит ли это?.. Не задумывался ли он когда-нибудь?.. Но Илса была адвокатом, и никто не мог сбить ее с толку при ведении допроса.

– Робин ведь отложила свадьбу? А новую дату назначили?

– Ага, – подтвердил Страйк, – второе июля. Сейчас берет отгул и едет в Йоркшир, чтобы заняться... ну чем там занимаются при подготовке к свадьбе. До вторника.

Когда Страйк настаивал, чтобы Робин пробыла в Мэссеме с пятницы до понедельника, он отнюдь не собирался играть на руку Мэтью, но вздохнул с облегчением, зная, что она будет в двухстах пятидесяти милях, если не дальше, от этой свистопляски, в безопасности родительского дома. Робин сильно расстроилась, узнав, что не сможет пойти в паб «Старая синяя колодка» в Шордиче на встречу с Уордлом, но Страйку показалось, что она будет рада немного передохнуть.

Илсу слегка разочаровало, что Робин все же выходит замуж не за Страйка, а за кого-то другого, но тут в кармане у Страйка завибрировал телефон. Звонил Грэм Хардэйкр, давний коллега из Отдела специальных расследований.

– Извините, – сказал Страйк Нику и Илсе, отодвигая тарелку с карри и вставая из-за стола, – нужно ответить, это очень важно... Харди!

– Можешь говорить, Огги? – спросил Хардэйкр, когда Страйк направлялся к выходу.

– Теперь могу, – ответил Страйк, в три шага преодолев садовую дорожку и выходя

на темную улицу, чтобы размяться и покурить. – Что-нибудь раскопал для меня?

– Откровенно говоря, – как-то нервно начал Хардэйкр, – было бы чертовски здорово, если бы ты оказался здесь, старина, и посмотрел сам. Моя напарница, уоррент-офицер, – та еще заноза. Никак не можем с ней сработаться. Если она пронюхает, что я сливаю материалы...

– Так мне подъехать?

– Подгребай с утра пораньше, а я оставлю на компе открытые документы. Как бы случайно, понимаешь?

Хардэйкр и раньше делился информацией со Страйком, на что не имел права. В тридцать пятый отдел он перешел недавно и, понятное дело, опасался себя скомпрометировать.

Перейдя через дорогу, Страйк присел на низкий парапет перед домом напротив, достал сигарету и задал свой вопрос:

– Но за этим точно стоит ехать в Шотландию?

– Смотря что тебе нужно.

– Прежние адреса, сведения о родственниках, выписки из медицинских карт, психиатрические диагнозы – ничего такого, что могло бы кому-то навредить. Когда Брокбэнк комиссовали, в две тысячи третьем?

– Именно, – подтвердил Хардэйкр.

У Страйка за спиной что-то загрохотало; он встал и обернулся: хозяин участка за парапетом, на который присел сыщик, выбрасывал мусор в бак. Этому щуплому человечку было лет шестьдесят. В свете фонаря Страйк заметил, как его раздражение сменилось примирительной улыбкой при виде роста и массы непрошеного гостя. Страйк побрел прочь, мимо живых изгородей и деревьев, дрожащих на весеннем ветру. Очень скоро их украсят флажками по случаю свадьбы принца. А там и до свадьбы Робин недалеко.

– Думаю, на Лэйнга у вас там негусто собрано. – В тоне Страйка слышался вопрос.

Воинская карьера шотландца продлилась еще меньше, чем у Брокбэнка.

– Негусто, да, но и так понятно: тип еще тот, – отозвался Хардэйкр.

– Куда его отправили после «Стекляшки»?

«Стекляшкой» у них называлась военная тюрьма в Колчестере, куда попадали все осужденные военнослужащие в ожидании перевода в гражданскую тюрьму.

– В «Элмли». С тех пор у нас на него ничего не было. Придется запросить службу надзора за УДО.

– Угу. – Страйк выдохнул дым в звездное небо.

Они с Хардэйкром оба понимали: коль скоро Страйк теперь не служит в полиции, у него не больше прав на доступ к архиву службы надзора за УДО, чем у простого обывателя.

– Где именно в Шотландии он родился, Харди?

– В Мелроузе. При поступлении на службу указал в качестве ближайшей родственницы свою мать – я проверил его анкету.

– Мелроуз, – в задумчивости повторил Страйк.

Он поразмыслил о двух оставшихся клиентах: первый – богатый идиот, который ловит кайф, пытаясь доказать, что ему наставляют рога; вторая – обеспеченная жена и мать, подрядившая Страйка выяснить, каким способом ее проживающий отдельно муж подбирается к их общим сыновьям. Но этот муж сейчас отбыл в Чикаго, а передвижения Платины вполне могли на сутки остаться без внимания.

Конечно, сохранялась вероятность, что никто из подозреваемых не имеет отношения к посылке с ногой, что он все это придумал.

A harvest of limbs... Урожай всех тела частей...

– Мелроуз далеко от Эдинбурга?

– Час-полтора езды.

Страйк потушил сигарету в водостоке.

– Харди, я могу приехать ночным поездом в воскресенье, рано утром пробраться в офис, потом рвануть в Мелроуз и проверить, не вернулся ли Лэйнг к родным или, по меньшей мере, не давал ли о себе знать.

– Договорились, Огги. Встречу тебя на вокзале, только сообщи время. Хотя... – Хардэйкр приготовился к поступку невиданной щедрости, – если поездка займет не более суток, возьмешь мою машину.

Страйк не сразу вернулся к своим любознательным друзьям и остывшему карри. Закуривая очередную сигарету, детектив прогуливался по тихой улице и размышлял о делах. Тут он вспомнил, что в воскресенье вечером собирался пойти с Элин в концертный зал «Саутбэнк». Она стремилась привить ему интерес к серьезной музыке, хотя классика всегда оставляла его равнодушным, чего он и не скрывал. Страйк посмотрел на часы: звонить уже слишком поздно; не забыть бы завтра отменить встречу.

Войдя в дом, он вновь обратился мыслями к Робин. Она почти никогда не упоминала о предстоящей свадьбе, до которой теперь оставалось всего два с половиной месяца. Когда Робин рассказывала Уордлу об одноразовых фотоаппаратах, заказанных для гостей, Страйк осознал, как скоро она станет миссис Мэтью Канлифф.

«Время еще есть», – подумал он. Но даже сам не понял: время для чего?

...the writings done in blood.

Blue Öyster Cult. «OD'd on Life Itself»^[23]

Многие мужчины подумали бы, что бродить по Лондону следом за сексапильной блондинкой, да еще и получать за это деньги, – одно удовольствие, но Страйку до смерти надоело следить за Платиной. Прощатавшись несколько часов по Хотон-стрит, вблизи Лондонской школы экономики, где в верхних коридорах из бетона и стекла время от времени мелькала на пути в библиотеку подрабатывающая на полставки исполнительница эротических танцев, Страйк последовал за ней к «Мятному носорогу», где у нее в шестнадцать часов начиналась смена.

Там он закрутился: на восемнадцать была назначена встреча с Уордлом, а если Платина выкинет какой-нибудь фортель, Вороненок тут же позвонит. В забегаловке рядом с пабом, выбранным для встречи, Страйк взял себе сэндвич. В кармане задребезжал мобильный, но, убедившись, что звонит сестра, он перенаправил вызов в голосовую почту. Ему смутно помнилось, что скоро день рождения его племянника Джека, однако идти к родственникам он не собирался, особенно после прошлогоднего торжества: ему хватило подружек сестры, любопытствующих мамаш и оглушительного визга перевозбужденных, надоедливых детей.

«Старая синяя колодка», внушительная трехэтажная постройка из кирпича, формой напоминающая нос корабля, находилась в конце Грейт-Истерн-стрит в районе Шордича. На памяти Страйка это был стриптиз-клуб и бордель: их с Ником школьный друг якобы потерял там невинность с женщиной, годившейся ему в матери.

Афиша на входе подтверждала перерождение борделя в концертный зал. Сегодня в восемь, прочитал Страйк, играют *Islington Boys' Club*, *Red Drapes*, *In Golden Tears* и *Neon Index*. Губы его скривились в ухмылке, когда он протискивался в темный бар с деревянным полом, где золотыми буквами на огромном старинном зеркале за барной стойкой рекламировались светлые сорта эля минувшей эпохи. Свисавшие с потолка шарообразные лампы освещали толпу молодежи студенческого вида, в которой большинство было одето по непостижимой для Страйка моде.

При всей своей слабости к группам, собиравшим стадионы, мать, как ему помнилось с детских лет, часто водила его и на выступления своих приятелей; после парочки концертов музыканты умудрялись расплеваться, разойтись, а месяца через три собраться в новом составе в другом пабе. «Старая синяя колодка» показалась Страйку неподходящим местом для встречи с Уордлом; раньше они выпивали только в «Фезерс», неподалеку от Скотленд-Ярда. Сейчас полицейский в одиночестве пил у барной стойки; при появлении Страйка он сам и прояснил вопрос:

– Жена балдеет от *Islington Boys' Club*. Она сюда заглянет после работы.

Страйку не доводилось встречать жену Уордла, и хотя раньше он об этом не задумывался, она представлялась ему кем-то средним между заядлой тусовщицей (не зря же Уордл все время задерживал взгляд на вызывающе одетых девицах с искусственным загаром) и единственной знакомой ему женой столичного копа, а именно

Хелли, для которой смысл жизни составляли дети, домашнее хозяйство и мещанские сплетни. А поскольку жена Уордла «балдела» от неизвестной Страйку инди-группы, он решил, что эта женщина, вопреки ожиданиям, может оказаться интересной личностью, пусть даже он заранее презирал эту инди-группу.

– Ну что там у тебя? – спросил Страйк, успев взять пинту пива, пока не набежал народ.

С обоюдного молчаливого согласия они с Уордлом переместились от барной стойки к последнему свободному столику для двоих.

– Криминалисты работают, – сказал Уордл, когда они сели. – По их мнению, нога принадлежала девушке от шестнадцати до двадцати пяти лет и была ампутирована после смерти, причем, судя по характеру свернувшейся крови, почти сразу после наступления смерти, а потом хранилась в холодильнике, пока ее не отправили твоей подруге Робин.

От шестнадцати до двадцати пяти: сейчас Бриттани Брокбэнк, по прикидкам Страйка, был бы двадцать один год.

– Нельзя ли определить возраст поточнее?

Уордл покачал головой:

– Нет, точный возраст не установлен. А что?

– Я же говорил: у Брокбэнка была приемная дочь.

– Брокбэнк, – задумчиво повторил Уордл, явно не припоминая имени.

– Один из тех, кто с самого начала был у меня под подозрением, – напомнил Страйк, безуспешно пытаясь скрыть досаду. – Служил когда-то в «Пустынных Крысах». Здоровенный, черноволосый, с деформированным ухом...

– Успокойся, я понял, – сказал Уордл, тоже приходя в раздражение. – У меня никудышная память на имена, дружище. Брокбэнк... татуировка на предплечье...

– Это Лэйнг, – поправил Страйк. – Шотландец, которого я упек на десять лет. А Брокбэнк – тот, кто твердил, что я проломил ему башку.

– А, ну да.

– У его приемной дочери, Бриттани, на ноге был застарелый шрам. Я же тебе рассказывал.

– Ну-ну, помню.

Отхлебнув пива, Страйк воздержался от саркастических комментариев. Вот если бы с ним за столом сидел не Уордл, а Грэм Хардэйкр, старый приятель из Отдела специальных расследований, уж тот бы воспринял его подозрения всерьез. Сначала Уордл и Страйк относились друг к другу с определенным недоверием, затем как будто соперничали. Страйк считал, что Уордл своими разыскными способностями даст фору многим столичным полицейским, но при этом отеческая теплота, с которой Уордл пестовал собственные версии, никогда не распространялась на предположения Страйка.

– А что сказали насчет шрама на икре?

– Шрам застарелый. Появился задолго до смерти.

– Етит твою! – вырвалось у Страйка.

Что могло быть важнее того застарелого шрама? Но криминалисты, как ни досадно, не придали ему особого значения.

Даже Уордл, который не упускал ни единого шанса подколоть Страйка, проникся, судя по всему, его тревогой.

– Дружище, – сказал он (и это тоже было внове), – Брокбэнк не при делах. Это Мэлли.

Именно этого Страйк и опасался: что при одном имени Мэлли в Уордле проснется

карьерист и полицейский забудет о других подозреваемых, нацелившись на поимку матерого рецидивиста.

– Доказательства есть? – напрямик спросил Страйк.

– Харрингейская преступная группировка контролировала шлюх из Восточной Европы в Лондоне и Манчестере. Я потолковал с ребятами из отряда по борьбе с проституцией. На прошлой неделе они устроили облаву в борделе неподалеку отсюда и задержали двух молодых украинок. – Уордл понизил голос почти до шепота. – Сейчас их раскручивают наши сотрудницы. У этих украинок была подруга, которая рассчитывала сделать тут карьеру в модельном бизнесе и отказывалась обслуживать клиентов, невзирая на жестокие побои. Две недели назад Диггер за волосы выволок ее из дома, и с тех пор она как в воду канула. А вместе с ней и Диггер.

– Узнаю Диггера, – сказал Страйк. – Хотя совсем не факт, что это ее нога. Кто-нибудь слышал, чтобы он упоминал меня?

– Да, – победно заявил Уордл.

Позабыв о пиве, Страйк опустил кружку. Он не ожидал положительного ответа.

– Серьезно?

– Одна из девиц показала, что точно слышала о тебе от Диггера, причем совсем недавно.

– В связи с чем?

Уордл произнес длинную фамилию богатого русского, владельца казино, который обращался к Страйку не далее как в прошлом году. Страйк нахмурился. Пусть даже Диггер пронюхал о его работе на владельца игорного дома, но он никак не мог знать, что именно Страйку обязан своей последней ходкой. От Уордла Страйк услышал лишь то, что его русский клиент отирается в весьма сомнительных кругах, но это и раньше не было большим секретом.

– И почему Диггера волнует, что я работал на Арзамасцева?

– Да как тебе сказать... – начал Уордл тоном знатока, желающего скрыть недостаток информированности. – Их группировка много в чем замешана. По сути, мы имеем дело с человеком, который встал у тебя на дороге, который не раз отправлял людям части тел и который исчез вместе с юной девушкой прямо перед тем, как тебе прислали ногу юной девушки.

– Что ж, в твоем изложении звучит убедительно, – сказал совершенно ни в чем не убежденный Страйк. – А ты не упускаешь из виду Лэйнга, Брокбэнка и Уиттекера?

– Естественно, не упускаю, – ответил Уордл. – Мои ребята их разыскивают.

Страйк слабо в это верил, но, чтобы не портить дружеских отношений с Уордлом, оставил свои сомнения при себе.

– Еще у нас есть запись с курьером, – добавил Уордл.

– И что же?

– Твоя коллега – неплохая свидетельница, – продолжил Уордл. – Там действительно фигурирует мотоцикл «хонда». Номера фальшивые. Курьер выглядел именно так, как она описала. Короче, он поехал на юго-запад, в сторону реального курьерского центра. В последний раз этот парень засветился на камере в Уимблдоне. С тех пор и курьер, и мотоцикл как сквозь землю провалились, но, повторяю, у этого кренделя фальшивые номера. Он мог умотать куда угодно.

– Фальшивые номера, – повторил Страйк. – Все продумано.

В пабе становилосьлюдно. Видимо, группа должна была играть на втором этаже:

у двери, ведущей наверх, толпились посетители; до Страйка доносился знакомый скрежет настраиваемого микрофона.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказал Страйк без особого энтузиазма. – Я обещал Робин передать тебе копии писем.

В тот день он вернулся в контору около полудня. Журналисты больше не караулили его у входа, притом что фотографы, по словам знакомой продавщицы из гитарного магазина напротив, топтались там вплоть до вчерашнего вечера.

Несколько заинтригованный, Уордл взял копии двух писем.

– Оба письма пришли в течение последних двух месяцев, – сказал Страйк. – По мнению Робин, тебе стоит на них взглянуть. Еще по одной? – спросил он, кивнув на остатки пива в кружке Уордла.

Страйк отошел за следующей парой пива; Уордл подвинул к себе письма. Когда Страйк вернулся, Уордл все еще изучал письмо с инициалами «Р. Л.». Страйк взял второе письмо, написанное аккуратным, как у прилежной школьницы, почерком, и начал читать:

...что я стану по-настоящему собой и буду по-настоящему полноценной без ноги, которая никогда не была и не будет частью меня, но никто этого не понимает. До моей родни не доходит, что мне необходимо лишиться ноги; все думают, что у меня проблемы с головой, но вам-то не нужно объяснять...

«Вот тут ты ошибаешься», – подумал Страйк. Вернув письмо на стол, он обратил внимание, что отправительница очень четко вывела обратный адрес в Шепердс-Буше. Письмо было подписано «Келси»; фамилия отсутствовала. Уордл, погруженный в чтение первого письма, издал нечленораздельный звук, в котором профессиональный интерес смешался с отвращением.

– Читал эту хрень?

– Нет, – ответил Страйк.

В людный и без того бар набивалось все больше молодежи. Страйк и Уордл оказались не единственными людьми за тридцать, но явно были старше большинства посетителей. Страйк наблюдал, как симпатичная бледноватая девушка, похожая на старлетку в стиле сороковых, с тонкими черными бровями, алыми губами и лихо закрученными прядями голубых волос, пытается отыскать взглядом своего парня.

– Робин просматривает эти записки сумасшедших и, если нужно, составляет краткие сводки.

– «Я хочу массировать твою культю, – прочел Уордл вслух. – Я хочу стать твоим живым костылем. Я хочу...» Фу, мать твою. Это же просто физически...

Он перевернул письмо.

– «Р. Л.». Можешь прочесть адрес?

– Нет, – ответил Страйк, прищурившись.

Мелкий почерк был чертовски неразборчивым. На первый взгляд в обратном адресе читалось лишь название «Уолтэмстоу».

– Кто там обещал: «Я буду возле барной стойки»?

Девушка с голубыми волосами и алыми губами пробила к их столику, держа в руке бокал. На ней была кожаная куртка, накинутая на какое-то подобие летнего платья в стиле сороковых.

– Извини, детка, заболтались о работе, – невозмутимо сказал Уордл. – Корморан Страйк – Эйприл. Моя жена, – добавил он.

– Приветствую, – сказал Страйк, протягивая широкую ладонь.

Он бы в жизни не подумал, что жена Уордла выглядит именно так. Слишком усталый, чтобы анализировать увиденное, он еще больше потеплел к Уордлу.

– Ой, так это *вы!* – просияла Эйприл; ее муж тем временем стреб со стола ксерокопии писем, сложил пополам и сунул в карман. – Тот самый Корморан Страйк! Я столько о вас слышала. Вы останетесь на концерт, правда?

– Вряд ли, – ответил Страйк, явно польщенный. Уж очень она была хороша собой.

Да и Эйприл, пожалуй, не хотела, чтобы он уходил. По ее словам, к ним должны были присоединиться друзья, еще человек шесть. Среди них – две незанятые девушки. Страйк позволил себя уговорить и поднялся на второй этаж, где располагалась небольшая сцена; танцпол был уже переполнен. Между делом Эйприл сообщила, что она – стилист и как раз сейчас готовит фотосессию для одного журнала, а помимо этого – обронила она мимоходом – для подработки танцует бурлеск.

– Бурлеск? – переспросил Страйк, переходя почти на крик, поскольку микрофон снова заскрежетал, вызвав бурю недовольства и шквал протестов со стороны посетителей за барной стойкой.

«Разве бурлеск – не тот же стриптиз, только классом повыше?» – задумался он после слов Эйприл о том, что ее подруга Коко (та девушка с огненно-красными волосами, что улыбнулась и кокетливо ему помахала) тоже танцует бурлеск.

Ребята оказались приятными и, в отличие от Мэтью, не вызывали ни малейшего раздражения. Уже давно Страйк не слышал живой музыки. Миниатюрная Коко выразила желание подняться еще выше, чтобы посмотреть...

Но когда на сцену вышли *Islington Boys' Club*, Страйку показалось, что он против воли переносится в прошлое, к людям, о которых старался не думать. Спертый запах пота в воздухе, знакомый стон настраиваемой гитары, помехи микрофона – все это можно было бы вытерпеть, если бы вокалист своей позой и андрогинной грацией не смахивал на Уиттекера.

Четыре такта – и Страйк понял: пора уходить. Дело было не в группе с их гитарным инди-роком: играли парни вполне прилично и вокалист не раздражал, но настроение уже было отравлено его сходством с Уиттекером. Впрочем, Страйк за свою жизнь достаточно побывал в таких местах, не имея возможности уйти, и сегодня хотел спокойно подышать свежим воздухом. Крикнув слова прощания Уордлу, помахав рукой и улыбнувшись Эйприл, которая подмигнула и помахала ему в ответ, он ушел, достаточно массивный, чтобы с легкостью протиснуться сквозь потную, запыхавшуюся толпу. Когда он пробился к выходу, группа доиграла первую песню. Аплодисменты этажом выше стучали будто капель по жестяной крыше. Минуту спустя он уже с облегчением шагал прочь, к автомагистрали, где, со свистом рассекая воздух, неслись машины.

In the presence of another world.

Blue Öyster Cult. «In the Presence of Another World»^[24]

Субботним утром Робин с матерью на дряхлом семейном «лендровере» покатали из своего Мэссема в Харрогейт к портнихе, перешивавшей свадебное платье.

Фасон пришлось изменить, так как изначально платье предназначалось для январской церемонии; теперь же его предстояло надеть в июле.

– Совсем отошала, – заметила пожилая швея, втыкая иголки в заднюю часть лифа. – Не вздумай дальше худеть. Платье должно облегать.

Ткань и фасон платья Робин выбрала больше года назад. В общих чертах оно напоминало модель из коллекции Эли Сааба, которую родители никогда не смогли бы себе позволить, поскольку через каких-то полгода им предстояло покрыть добрую половину расходов на свадьбу Стивена, старшего брата Робин. Но даже эта уцененная версия казалась немислимой роскошью при той зарплате, что Робин получала от Страйка. Освещение примерочной подчеркивало все достоинства фигуры, но из зеркала в позолоченной раме на Робин смотрело бледное лицо с воспаленными, впалыми глазами. Она уже сомневалась, что платье должно быть открытым. Длинные рукава – вот это как раз уместно. Возможно, думала она, ее просто утомили постоянные мысли о подвенечном наряде. В примерочной пахло лаком и новым ковролином. Пока Линда, мать Робин, наблюдала, как иголка сантиметр за сантиметром стягивает оборки платья, Робин, угнетенная своим собственным отражением, сосредоточенно смотрела на угловой столик, где покоились искусственные цветы и хрустальная диадема.

– Мы уже решили, чем украсим фату? – спросила портниха, усвоившая типичную докторскую манеру задавать вопросы в первом лице множественного числа. – Для зимней церемонии мы выбрали диадему, так ведь? Я думаю, к открытому платью подойдут цветы.

– Цветы – это чудесно, – донесся голос Линды из угла примерочной.

Мать и дочь были удивительно похожи. Хотя некогда узкая талия матери стала шире, а выцветшие томатно-красные с золотинкой волосы, в беспорядке собранные на темени, кое-где тронула седина, серо-голубые глаза Линды были в точности такими, как у дочери, и сейчас их взгляд устремился на Робин с тревогой и пронизательностью, до смешного знакомыми Страйку.

Робин перемерила множество ободков с искусственными цветами, но ни один не пришелся ей по душе.

– Наверное, я все-таки остановлюсь на диадеме, – сказала она.

– Может, рассмотреть вариант с живыми цветами? – подсказала Линда.

– Да, – выдавила Робин, которой вдруг нестерпимо захотелось уйти от этого запаха ковролина и от своего бледного, загнанного в угол отражения.

– Давай сходим к флористу и посмотрим, что нам смогут предложить.

И все же неплохо было оказаться наедине с собой – хотя бы на несколько минут, хотя бы в примерочной. Выбираясь из платья и снова влезая в свитер и джинсы, Робин попыталась

отыскать причины своей хандры. Она жалела, что пришлось пропустить встречу Страйка с Уордлом; ей не терпелось преодолеть пару сотен миль, что отделяли ее от незнакомца в черном, отправившего ей отрезанную ногу.

Но спешить не было никакого смысла. В поезде они с Мэтью снова поссорились. Даже здесь, в ателье на Джеймс-стрит, ее преследовала нарастающая тревога: объем заказов в агентстве Страйка сокращался, и она в любую минуту могла остаться без работы. Одевшись, Робин проверила мобильник. Сообщений от Страйка не было.

Через час Робин, стоя среди мимоз и лилий, односложно отвечала на вопросы суетливой флористки: та прикладывала к ее волосам розы и время от времени роняла холодные зеленоватые капли с длинных стеблей на кремовый свитер Робин.

– Зайдем-ка в «Беттис», – предложила Линда, когда цветы в конце концов были заказаны.

В городе-курорте Харрогейт кондитерская «Беттис» давно сделалась местной достопримечательностью. Снаружи кафе украшали цветочные корзины, вдоль которых посетители выстраивались в очередь под черными с золотом прозрачными маркизами, а внутри, среди мягких кресел, светильников и узорчатых чайников, сновали официантки в одинаковых платьях с кружевной отделкой. В детстве Робин нравилось глазеть сквозь стеклянный прилавок на ряды толстых марципановых поросят, наблюдать, как мама покупает самый восхитительный фруктовый торт с ликерной пропиткой, упакованный в нарядную коробку. Сегодня, сидя за столиком у окна и уставившись на пестрые цветочные клумбы, разбитые в виде геометрических фигурок, вылепленных из пластилина детскими руками, Робин отказалась от еды, ограничившись маленьким чайником чая и украдкой поглядывая на мобильник. Ничего.

– Что-то случилось? – спросила Линда.

– Нет, все замечательно, – ответила Робин. – Просто смотрю, нет ли каких новостей.

– Новостей о чем?

– Об отрезанной ноге, – сказала Робин. – Вчера вечером Страйк встречался с этим полицейским, Уордлом.

– Ну-ну, – произнесла Линда, и больше они не проронили ни слова, пока им не подали чай.

Линда заказала фруктовое печенье. Намазав его маслом, она поинтересовалась:

– Вы с Кормораном хотите своими силами выяснить, кто прислал эту ногу, я права?

Что-то в голосе матери насторожило Робин.

– Мы просто отслеживаем действия полиции, вот и все.

– А-а, – протянула Линда, жуя печенье и не сводя глаз с дочери.

Робин стало стыдно за свою раздражительность. Свадебное платье обходилось недешево, а где же благодарность?

– Извини за резкость.

– Ничего страшного.

– Это из-за Мэтью – он против моей работы у Корморана.

– Да, прошлой ночью мы кое-что об этом слышали.

– О боже, мама, прости!

Робин считала, что во время ссоры они говорили достаточно тихо, чтобы не разбудить родных. Всю дорогу до Мэссема они ругались, потом сделали перерыв на ужин с ее родителями, а затем продолжили в гостиной, когда Линда и Майкл ушли спать.

– Имя Корморана звучит слишком часто, тебе не кажется? Думаю, что Мэтью...

– Это его не колышет, – бросила Робин.

Мэтью определенно считал работу Робин некой блажью, но, когда требовалось отнестись к ней всерьез (например, как в случае с этой зловещей посылкой), он злился, вместо того чтобы тревожиться.

– Не колышет – и совершенно напрасно, – продолжила Линда. – Кто-то прислал тебе часть мертвого тела, Робин. А в прошлый раз Мэтт позвонил нам сообщить, что ты угодила в больницу с сотрясением мозга. Я уж не говорю о твоём возможном увольнении! – решительно добавила она под укоризненным взглядом Робин. – Знаю, ты прикипела к этой работе! Как бы то ни было, – она отломилась щедрый кусок своего лакомства и сунула в безвольную руку Робин, – я не собиралась визнавать, что колышет Мэтта, а что нет. Я только собиралась узнать, не ревнует ли он.

Робин отпила крепкого купажированного чая и рассеянно подумала, не прикупить ли этих фирменных пакетиков для офиса. В Илинге таких днем с огнем не сыщешь. А Страйк любит крепкую заварку.

– Да, Мэтт ревнует, – в конце концов ответила она.

– Надеюсь, безосновательно?

– Конечно! – с жаром воскликнула Робин.

Ее как будто предали: мама всегда принимала ее сторону, всегда...

– Зачем так горячиться? – невозмутимо сказала Линда. – Я же не намекаю, что ты делаешь нечто предосудительное.

– Хорошо, если так, – промолвила Робин, пережевывая печенье и не ощущая вкуса. – Я ничего и не делаю. Он – мой начальник, вот и все.

– И твой друг, – предположила Линда, – судя по тому, как ты о нем отзываешься.

– Да, – ответила Робин, но честность вынудила ее добавить: – Впрочем, это не похоже на обычную дружбу.

– Чем же?

– Он не любит говорить о личном. Клещами не вытянуть.

За исключением одного печально запомнившегося вечера (который они между собой никогда впоследствии не упоминали), когда Страйк так напился, что с трудом держался на ногах и понятие о личном фактически перестало существовать.

– Тем не менее вы находите общий язык?

– Вполне.

– Мужей зачастую коробит, когда их половинки находят общий язык с другими мужчинами.

– Что же мне теперь делать: работать исключительно под началом женщин?

– Нет, – сказала Линда, – Я просто имею в виду, что Мэтью, очевидно, чувствует угрозу.

Порой Робин казалось, будто мама жалеет, что дочь ни с кем не встречалась, прежде чем полностью посвятить себя Мэтью. Линда была близка со своей единственной дочерью. Сейчас, в этом кафетерии, среди гомона и звона, Робин осознала, что боится, как бы Линда не заикнулась о возможности отменить свадьбу. Невзирая на усталость и измотанность, на тяжелые переживания последних месяцев, Робин не усомнилась в своей любви к Мэтью. Платье готово, церковь выбрана, свадьба практически оплачена. Нужно бороться и прийти к финишу.

– Я не влюблена в Страйка. Так или иначе, у него есть девушка: он встречается с Элин

Тофт. Это радиоведущая на Би-би-си.

Она надеялась, такие сведения отвлекут мать, любительницу послушать радио за стряпней или садовыми работами.

– Элин Тофт? Та самая красотка-блондинка, которую вчера вечером показывали по телевизору в передаче про композиторов-романтиков? – уточнила Линда.

– Вероятно, – ответила Робин с подчеркнутым безразличием и, несмотря на успех своего отвлекающего маневра, сменила тему. – Так, значит, ты собираешься избавиться от «лендровера»?

– Совершенно верно. Вряд ли за него что-нибудь дадут. Может, сдать на утилизацию... а между прочим, – спохватилась Линда, озаренная внезапной мыслью, – не хотите ли вы с Мэтью забрать его себе? Налог уплачен за год вперед, техосмотр с грехом пополам обычно проходит...

Робин задумчиво жевала печенье. Мэтью вечно сетовал, что у них нет машины, отсутствие которой он приписывал ее низкой зарплате. Он буквально с ума сходил от зависти, глядя на кабриолет А3 зятя. Робин знала, что отношение Мэтью к старому, выдавшему виды «лендроверу» с его неистребимым запахом мокрой псины и резиновых сапог будет совершенно иным, но, в час ночи сидя в семейной гостиной, ее жених перечислил зарплаты всех своих ровесников и смело заключил, что доходы Робин помещаются в самой нижней строке турнирной таблицы. Внезапно разозлившись, она представила, как говорит своему жениху: «У нас уже есть „ровер“, Мэтт, зачем копить на „ауди“?», но вслух только сказала:

– Он очень пригодится в работе, если потребуется выезжать за пределы Лондона. Страйку не нужно будет брать машину напрокат.

– Мм, – как будто в рассеянности ответила Линда, но при этом внимательно посмотрела на дочь.

Они поехали домой и обнаружили, что Мэтью накрывает на стол вместе с будущим тестем. Как правило, он больше помогал по хозяйству в родительском доме Робин, чем в их с ней съемной квартире.

– Что там с платьем? – спросил он таким тоном, что Робин расценила это как попытку примирения.

– Все в порядке, – сказала она в ответ.

– Или задавать такой вопрос – плохая примета? – уточнил он, а потом, заметив, что она не улыбнулась, добавил: – Уверен, ты все равно будешь выглядеть прекрасно.

Смягчившись, Робин протянула ему руку, а он подмигнул, сжимая ее пальцы. Тем временем Линда вклинилась между ними, со стуком опустила на стол блюдо с картофельным пюре и объявила, что дарит им свой старенький «лендровер».

– Что? – в смятении переспросил Мэтью.

– Ты же сам постоянно говоришь, что хочешь машину, – сказала Робин, вставая на защиту матери.

– Да, но «лендровер» в Лондоне?..

– А почему бы и нет?

– Это подпортит его имидж, – сказал ее младший брат Мартин, только что вошедший в комнату с газетой в руке: он изучал участников сегодняшних скачек «Гранд-Нэшнл»^[25]. – Идеальный же вариант, Роб. Явственно вижу, как вы с Хопалонгом^[26] мчитесь по бездорожью к месту преступления.

Квадратная челюсть Мэтью застыла.

– Заткнись, Мартин! – отрезала Робин, садясь за стол и испепеляя взглядом брата. – Хотела бы я посмотреть, как ты прямо в глаза назовешь Страйка Хопалонгом, – добавила она.

– Наверное, он посмеется, – беззаботно ответил Мартин.

– Наверное, потому, что вы отличились в одной и той же области? – спросила Робин, повысив голос. – Наверное, потому, что у вас обоих на счету воинские подвиги, что вы оба рисковали жизнью и здоровьем?

У них в семье Мартин был единственным из четверых детей, кто не стал поступать в университет и до сих пор жил с родителями. Малейший намек на отсутствие у него каких-либо достижений приводил Мартина в ярость.

– Ты к чему, мать твою, клонишь? Что ж мне, по-твоему, в армию идти? – вскипел он.

– Мартин! – резко одернула его Линда. – Придержи язык!

– Вы еще не поцапались из-за того, что у тебя до сих пор две ноги, Мэтт? – спросил Мартин.

Швырнув на стол нож и вилку, Робин вылетела из кухни. В памяти снова возник образ отрубленной ноги, с ярко-белой костью, торчащей из мертвой плоти, с этими грязными ногтями... возможно, жертва собиралась их почистить, а то и сделать педикюр, прежде чем предстать перед кем-нибудь из посторонних. У Робин хлынули слезы – впервые с того момента, когда пришла посылка. Узор ковра на старой лестнице расплывался; дверную ручку спальни пришлось искать на ощупь. Подойдя к кровати, Робин содрогнулась всем телом, рухнула ничком на чистое одеяло и закрыла мокрое лицо ладонями в попытке заглушить рыдания. Она не хотела, чтобы кто-то из близких пришел за ней следом, не хотела ни разговаривать, ни объяснять; ей просто требовалось побыть одной, чтобы выплеснуть чувства, которые она сдерживала всю неделю.

Шутка ее брата эхом вторила островам Страйка о расчленениях. Жертва рассталась с жизнью при кошмарных, жестоких обстоятельствах, но, похоже, никого это не волновало так, как Робин. Смерть и топор превратили неизвестную девушку в кусок мяса, сделали из нее задачу, требующую решения, и Робин ощущала себя единственной, кто понимал, что не далее как неделю назад эта нога принадлежала некоему живому, дышащему человеческому существу.

Минут через десять Робин перевернулась на спину, открыла заплаканные глаза и оглядела свою старую спальню, словно ища поддержки. Когда-то ее комната казалась единственным безопасным местом на земле. Отчислившись из университета, Робин три месяца почти не выходила из этих стен, даже чтобы поесть. Тогда стены были ярко-розовыми – ошибочное интерьерное решение, принятое ею в шестнадцать лет. Робин и сама это понимала, однако не хотела просить отца сделать тут ремонт, а потому скрыла чересчур броский цвет невероятным количеством постеров. Раньше напротив кровати висел огромный плакат *Destiny's Child*^[27]. Теперь обои в комнате сменились нежно-голубыми: об этом позаботилась Линда, когда дочь переехала к Мэтью в Лондон, но Робин до сих пор представляла Бейонсе, Келли Роулэнд и Мишель Уильямс, глядящих на нее с обложки альбома «Survivor»^[28]. Видение было связано с худшим временем в ее жизни. Теперь же на стене висело лишь две фотографии: на одной Робин в выпускном классе (Мэтью стоял на заднем плане – самый красивый парень, отказавшийся улыбаться и надевать дурацкую шапочку), а на другой двенадцатилетняя Робин катается на своем стареньком пони Ангусе,

лохматом, сильном и упрямом животном с дядиной фермы; Робин души в нем не чаяла, несмотря на его строптивость. Истощенная и измученная, она поморгала, чтобы избавиться от слез, и вытерла мокрое лицо ладонями. Из кухни, находящейся прямо под ее комнатой, доносились приглушенные голоса. Робин была уверена, что мать требует от Мэтью на некоторое время оставить ее дочь в покое, и надеялась, что он ее послушает. Она готова была провалиться в сон вплоть до конца выходных. Через час, когда Робин все так же лежала на двуспальной кровати, сонно глядя на верхушку торчавшей за окном липы, Мэтью постучался в дверь и вошел с кружкой чая в руках:

– Твоя мама говорит, это тебе не мешает.

– Спасибо, – сказала Робин.

– Мы все вместе собираемся смотреть «Гранд-Нэшнл». Мартин поставил кучу денег на Баллабригса.

Ни слова о ее страданиях, о толстокожести Мартина. Мэтью всем видом показывал, что она некоторым образом опозорилась, а он предлагает ей выход. Робин сразу поняла, что он даже не подозревает, какие чувства всколыхнулись в ней при мысли о той несчастной девушке. Нет, он всего лишь досадовал, что в разговоре снова промелькнуло имя Страйка, которого никто из Эллакоттов даже в глаза не видел. Прямо как с Сарой Шедлок на регби, один в один.

– Я не люблю смотреть, как лошади ломают себе шею, – сказала Робин, – и вообще мне нужно немного поработать.

Он взирал на нее сверху вниз, а затем вышел, хлопнув дверью, отчего створка дернулась и снова отворилась.

Робин села, приладила волосы, сделала глубокий вдох и пошла к туалетному столику за ноутбуком. Поначалу она чувствовала себя виноватой, что взяла компьютер с собой: надеялась выкроить время для своих, так сказать, линий следствия. Но Мэтью с его всепрощением поставил крест на этих надеждах. Пусть себе смотрит скачки. А ее ждут дела поважнее. Вернувшись к кровати, она подложила под спину горку подушек, открыла ноутбук и перешла к закладкам браузера, о которых не знал никто, даже Страйк, который, несомненно, подумал бы, что она попусту тратит время. Робин уже посвятила не один час разработке двух отдельных, но пересекающихся линий следствия, бравших начало от писем, которые она настоятельно рекомендовала Страйку показать Уордлу: сообщение девушки, желавшей отрезать собственную ногу (как видно, несчастная страдала синдромом нарушения целостности восприятия тела, который характеризуется иррациональным желанием удалять здоровые конечности), а также тошнотворное послание от мужчины, которому для чего-то понадобилась культя Страйка.

Работа человеческого мозга всегда увлекала Робин; в университете она выбрала для себя психологию, хотя и не доучилась. Начитавшись научных статей, Робин теперь знала, что синдром невосприятия целостности собственного тела, или СНЦСТ, – весьма редкое заболевание, причины которого до сих пор неизвестны. Пролистав сайты поддержки, она убедилась, с какой неприязнью люди относятся к СНЦСТ-пациентам. Форумы пестрели злобными обвинениями: мол, другие не просили делать их инвалидами, а эти сами напрашиваются, просто внимание к себе привлекают таким нелепым и отвратительным способом. В ответ на подобные нападки следовали не менее жесткие комментарии: неужто вы всерьез считаете, что больные *хотели* родиться с СНЦСТ? Неужели до вас не доходит, сколько страданий этот недуг приносит человеку – когда тебе не просто хочется, а жизненно

необходимо избавиться от конечности, и уже не важно, ампутация это будет или паралич? Робин задумалась, что сказал бы Страйк, ознакомившись с историями СНЦСТ-пациентов. Вряд ли он выразил бы им сочувствие.

Внизу скрипнула дверь в гостиную, и до слуха Робин на миг донесся стрекот комментатора, смех Мартина и голос ее отца, выгонявшего из комнаты старого коричневого лабрадора, который испортил воздух.

За день Робин так вымоталась, что, к своей досаде, не смогла вспомнить имя той девушки, которая обращалась к Страйку за советом по поводу ампутации ноги, – вроде бы Кайли. Медленно листая самый посещаемый сайт поддержки, Робин высматривала ники пользователей, которые могли бы иметь хоть какое-то отношение к той девушке, – ведь куда еще, если не в виртуальный мир, подросток со странной навязчивой идеей пойдет делиться своими фантазиями?

Дверь в спальню, неплотно прикрытая после ухода Мэтью, широко распахнулась – это изгнанник Раунтри вразвалочку явился к ней в комнату. Робин рассеянно потрепала его за ухом, и пес, получив свою порцию ласки, шлепнулся на прикроватный коврик. Сначала он барабанил хвостом по полу, но вскоре уснул и засопел. Под аккомпанемент собачьего храпа Робин вернулась к прочесыванию форумов.

Внезапно ее захлестнуло радостное волнение, знакомое с первых дней работы в агентстве Страйка: это чувство служило наградой за поиск информации, малейшие крупицы которой могли что-то означать, а могли и нет, но иногда, в особых случаях, давали ключ к разгадке.

Nowheretoturn: Кто-нибудь че-нить знает про Корморона Страйка?

Затаив дыхание, Робин развернула ветку.

W@nBee: Это детектив одноногий? Ветеран типо.

Nowheretoturn: Говорят, он сам себя и покалечил.

W@nBee: Не, я тебе отвечаю, он Афган прошел.

И на этом все. Робин прошерстила остальные ветки, но безвестный *Nowheretoturn*^[29] расспросы прекратил и на форуме больше не мелькал. Само по себе это ничего не значило: сменить ник проще простого. Робин продолжала поиски, пока не убедилась, что исследовала каждый уголок этого сайта, но в других местах имя Страйка не упоминалось.

Радость открытия угасла. Даже если предположить, что автор письма и неведомый *Nowheretoturn* – это одно и то же лицо, та девушка писала в полной уверенности, что ногу Страйк отрезал себе сам. Не так-то много найдется известных ампутантов, про которых можно с легкостью подумать, будто конечностей они лишились добровольно.

Из гостиной теперь неслись подбадривающие вопли. Робин решила на время оставить СНЦСТ-форумы и размотать вторую нить своего расследования.

Ей приятно было считать, что сыскная работа ее закалила. Однако, едва взглянув на первые попавшиеся сайты, посвященные фантазиям акротомофилов – людей с сексуальным влечением к калекам, – Робин почувствовала противный спазм в желудке; это ощущение не покидало ее и после того, как она выключила компьютер. Ей попались на глаза излияния мужчины (Робин могла только предполагать, что это мужчина), чьи самые

волнующие сексуальные фантазии были о женщине с ампутированными – выше локтей и коленей – конечностями. Его, похоже, особенно заботила длина оставшихся культей. Второй мужчина (уж эта личность никак не могла быть женщиной) с юности во время мастурбации представлял, как ампутируют ноги ему и его лучшему другу. Автор рассуждал о красоте культей, об ограниченной подвижности ампутантов, об инвалидности как высшей степени зависимости от воли других.

Внизу невнятно гнусавил комментатор Больших национальных скачек, фанатичные вопли ее брата становились все громче, а Робин по-прежнему изучала форумы, пытаясь найти хоть одно упоминание Страйка и обнаружить связь между этой сексуальной девиацией и насилием. Она отметила, что никого из тех людей, что делились своими фантазиями о калекх и ампутациях, насилие и боль, судя по всему, не возбуждали. Даже мужчина, фантазировавший об ампутации ног себе и своему другу, четко и ясно давал понять: отрезание конечностей привлекает его исключительно как средство получить культю.

Мог ли субъект, которого возбуждает инвалидность Страйка, отрезать женщине ногу и прислать по почте? Мэтью бы сказал – безусловно, презрительно подумала Робин, ведь он как рассуждает: если человек настолько не дружит с головой, что балдеет от обрубков, то с него станется отпилить кому-нибудь ногу. Ей почти явственно слышалось, каким тоном Мэтью изрекает свой вердикт. Однако подробности, запомнившиеся ей из письма Р. Л. и вынесенные из откровений его собратьев по акротомофилии, наводили на мысль, что настойчивое желание Р. Л. «все исправить» означало скорее практики, которые Страйк нашел бы, пожалуй, еще менее привлекательными, чем сама ампутация. Конечно, Р. Л. может оказаться акротомофилом и психопатом одновременно...

– ЙЕС! МАТЬ ТВОЮ, ЙЕС! ПЯТЬСОТ ФУНТОВ! – завопил Мартин.

Судя по ритмичному топоту, доносившемуся из коридора, Мартин решил, что гостиная тесновата для полноценного исполнения победного танца. Раунтри проснулся, вскочил и лениво гавкнул. Грохот стоял такой, что Робин не услышала, как Мэтью поднимается к ней по лестнице. При его появлении она инстинктивно нажала на стрелку «Назад», перелистав в обратном порядке сайты, посвященные сексуальной фетишизации калек.

– Привет, – сказала она. – Похоже, Баллабриггс выиграл.

– Ага, – ответил Мэтью.

Второй раз за день он протянул ей руку. Робин отодвинула ноутбук, Мэтью помог ей встать и обнял. Тепло его тела успокаивало, обволакивало, утешало. Она бы не вынесла еще одной ночной перебранки. Но вдруг он отстранился, уставившись ей через плечо.

– Что такое?

Она покосилась на ноутбук. Посреди мерцающей страницы текста выделялось крупное, в рамочке определение:

Акротомофилия (сущ.) – сексуальная девиация, характеризующаяся повышенным сексуальным влечением к парализованным, а также к лицам с ампутированными конечностями.

Повисла неловкая пауза.

– Сколько лошадей погибло? – спросила Робин надтреснутым голосом.

– Две, – бросил Мэтью и вышел из комнаты.

*...you ain't seen the last of me yet,
I'll find you, baby, on that you can bet.*

Blue Öyster Cult. «Showtime»^[30]

В воскресенье в полдевятого вечера Страйк стоял у вокзала Юстон и курил последнюю сигарету: до Эдинбурга предстояло пилить девять часов. Элин огорчилась, что он не попадает на вечерний концерт; в качестве компенсации они провели всю вторую половину дня в постели – Страйк был только счастлив. Красотка, обычно собранная и довольно холодная, Элин отбрасывала всякое смущение, оказываясь в спальне. Желанные затяжки сигаретой сливались с воспоминаниями о некоторых интимных зрелищах и звуках: чуть влажная алебастровая кожа у него под губами, стоны, вырывающиеся из ее широко раскрытого бледного рта. У Элин в шикарных апартаментах на Кларенс-Террас курить не разрешалось, потому что ее дочка страдала астмой. После любовных ласк Страйк боролся со сном за просмотром телепередачи Элин о композиторах-романтиках.

– Знаешь, ты похож на Бетховена, – задумчиво сказала она, когда камера наехала на мраморный бюст композитора.

– С расплюснутым шнобелем.

Такое он о себе уже слышал.

– И зачем тебе сейчас в такую даль? – спросила Элин, когда он, сидя на ее кровати, надевал протез; спальня, отделанная в бело-кремовых тонах, не производила такого депрессивного впечатления, как комната для гостей в доме Ника и Илсы.

– Версию одну прорабатываю, – ответил Страйк, прекрасно понимая, что это большое преувеличение.

А Дональда Лэйнга и Ноэла Брокбэнка не связывало с той посылкой ничего, кроме его собственных смутных подозрений. Как ни жалко было Страйку выкладывать почти три сотни фунтов за билеты, он ничуть не раскаивался в своем решении.

Затоптав окурок протезированной ногой, он вошел в здание, купил себе в вокзальном супермаркете кое-что пожевать и влез в ночной поезд. В одноместном купе он увидел узкую койку и складную раковину. Впрочем, за годы армейской службы ему доводилось ночевать и в менее комфортных условиях. Плюсом оказалось то, что длины койки как раз хватило на его почти двухметровый рост, а перемещаться с отстегнутым протезом в тесном пространстве всегда было легче. Угнетала только жарница: у Страйка в мансарде поддерживалась такая бодрящая температура, какой не вынесла бы ни одна женщина. Правда, ни одна женщина и не ночевала у него в мансарде. Элин не изъявляла ни малейшего желания туда заглянуть, а своей сестре Люси он не давал возможности увидеть его истинное финансовое положение. Если вдуматься, к нему заходила одна только Робин.

Поезд с рывком двинулся вдоль перрона. За окном потянулись столбы и скамьи. Опустившись на койку, Страйк развернул первый багет с беконом, впился в него зубами и вспомнил, как Робин, бледная и дрожащая, сидела у него за кухонным столом. Можно было только порадоваться, что сейчас она в безопасности родительского дома, в Мэссеме;

по крайней мере, одной зудящей тревогой меньше.

Нынешнее положение было ему не внове. Он будто бы вернулся на армейскую службу и ехал на другой конец Соединенного Королевства в самом дешевом купе, чтобы явиться в местное подразделение ОСР в Эдинбурге. Туда его раньше не заносило. Как он слышал, подразделение размещалось в замке, стоящем на краю скалистого утеса в центре Эдинбурга.

Позже, сходяв отлить в грохочущий общий сортир, он вернулся в купе, разобрал койку и лег в семейных трусах поверх тонкого одеяла в надежде если не уснуть, то хотя бы подремать. Из-за духоты, переменчивой качки и тряски спать было невозможно. После того как в Афгане взорвался «викинг», в котором он оставил полноги и двоих однополчан, Страйк с трудом выносил, чтобы его возили другие люди. Теперь выяснилось, что это подобие фобии распространяется и на поезда. Три раза его будили, как сигналы тревоги, свистки встречных локомотивов; на поворотах казалось, что этот железный монстр вот-вот завалится, сойдет с рельсов и разлетится на части...

На эдинбургский вокзал Уэйверли поезд прибыл в четверть шестого, но завтрак подавали только в шесть. Страйка разбудили шаги проводника, разносившего подносы. Когда Страйк открыл ему дверь, парнишка в форме громко ойкнул, но, переводя взгляд с пассажира на лежавший у того за спиной протез, убедился, что нога не отрезана, и заговорил:

– Прустите, увужаемый! – В его речи звучал сильный акцент уроженца Глазго. – Не гутов был!

Страйка это рассмешило. Взяв поднос, он задвинул дверь. После практически бессонной ночи ему куда больше хотелось курить, чем жевать разогретый резиновый круассан. Пристегивая протез и одеваясь, он выпил черный кофе и одним из первых вышел на холодный шотландский рассвет.

На вокзале у него возникло странное чувство, будто он оказался на дне пропасти. Сквозь гармошку потолка виднелись очертания уходящих куда-то ввысь готических зданий. Разыскав около стоянки такси назначенное Хардэйкром место встречи, он присел на холодную железную скамью, поставил в ногах рюкзак и закурил.

Хардэйкра пришлось ждать двадцать минут; когда же он появился, Страйку сделалось сильно не по себе. Он изначально был так благодарен за предложенный автомобиль, что даже не подумал спросить, на чем ездит его друг.

На «мини». Вот зараза... на «мини».

– Огги!

Они обменялись полуобъятием-полурукопожатием, на американский манер, проникший даже в вооруженные силы. В Хардэйкре роста было едва-едва метр семьдесят. Волосы редяющие, мышасто-серые, вид беззлобный. Но Страйк знал, что за этой непримечательной внешностью скрывается острейший следственный ум. Они вместе работали по Брокбэнку, и одного этого было достаточно, чтобы прочно их связать, хотя впоследствии у обоих начались неприятности.

Только когда Хардэйкр увидел, как его старый товарищ сложился, чтобы втиснуться в «мини», до него дошло, что нужно было упомянуть марку машины.

– Я уж и забыл, что ты такой громила, – прокомментировал он. – Сможешь сесть за руль?

– Отчего же нет? – Страйк до упора отодвинул назад пассажирское сиденье. – Спасибо, что тачку подогнал, Харди.

Хорошо еще, что машина оказалась на «автомате», а не на «ручке».

Дорога шла в гору, мимо закопченных строений, взиравших на Страйка сквозь люк в крыше автомобиля. Раннее утро выдалось промозглым и неприветливым.

– Позже распогодится, – пробормотал Хардэйкр, когда они тряслись по крутой булыжной мостовой Королевской Мили, мимо магазинов, торгующих килтами и флагами с изображением геральдического льва, мимо ресторанов и кафе, мимо щитов с рекламой экскурсий в замки с привидениями, мимо боковых улочек, открывавших внизу, по правую руку, мимолетные виды города.

На вершине холма появился замок, темный и неприступный на фоне неба, обнесенный извилистыми стенами. Хардэйкр свернул направо, в сторону от ворот с гербом, к которым уже подтягивались туристы, желая избежать очереди.

У деревянной будки он назвал свою фамилию, помахал пропуском и проехал на территорию, направляясь к арке из вулканического камня, ведущей в ярко освещенный тоннель с сетью толстых силовых кабелей по стенам. Миновав тоннель, они оказались высоко над городом, рядом с пушками, выстроившимися вдоль парапетов, далеко от туманных шпилей и крыш черного с золотом города, тянувшегося до залива Ферт-оф-Форт.

– Ничего так. – Страйк, заинтересовавшись, подошел ближе к пушкам.

– Да, вполне себе, – согласился Хардэйкр, окидывая прозаичным взглядом столицу Шотландии. – Нам сюда, Огги.

В замок они вошли через боковую деревянную дверь. Страйк шагал за Хардэйкром по холодным каменным плитам узкого коридора; два лестничных пролета вверх – и правая нога запротестовала. На стенах через произвольные промежутки висели гравюры с изображениями одетых в парадную форму военных Викторианской эпохи.

Одна из дверей на первой площадке вела в коридор с выдавшей виды темно-красной дорожкой и зелеными больничными стенами. В него выходили многочисленные кабинеты. Хотя Страйк никогда здесь не бывал, он сразу почувствовал нечто родное – не то что возле знакомого сквота на Фулборн-стрит. Тут он мог бы сесть за свободный письменный стол и уже через десять минут заниматься привычным делом.

По стенам висели плакаты, один из которых напоминал следователям, насколько важен и как должен использоваться «золотой час» – тот краткий промежуток времени после совершенного преступления, когда улики еще много и собрать их легко; на другом были фотографии, помогающие распознать те или иные наркотики. К белым доскам крепились магнитами сведения о состоянии текущих дел и сроках их завершения: «ожидается анализ голосового (телефонного) сообщения и ДНК-анализ», «запросить форму 3», тут же лежали металлические футляры с портативными наборами для снятия отпечатков пальцев.

Дверь, ведущая в лабораторию, оказалась открыта. На высоком металлическом столе виднелся полиэтиленовый пакет для вещдоков, а в нем подушка с бурыми пятнами крови. Рядом – картонная коробка с бутылками спиртного. Где кровь – там всегда алкоголь. В углу стояла пустая бутылка из-под виски «Беллз», накрытая красной армейской фуражкой – «красная шапка», по которой, собственно, и называлось между своими это подразделение.

С ними поравнялась идущая навстречу коротко стриженная блондинка в деловом костюме:

– Страйк!

Он узнал ее не сразу.

– Эмма Дэниелз. Каттерик, две тысячи второй, – напомнила она с усмешкой. – Ты еще

обозвал нашего старшего сержанта «беспрокий мудень».

– Да, точно, – согласился Страйк; Хардэйкр только хмыкнул. – Он таким и был. Ты, я смотрю, подстриглась.

– А ты, я смотрю, прославился.

– Не стоит преувеличивать, – сказал Страйк.

Какой-то бледный парень в сорочке без пиджака высунул голову из кабинета дальше по коридору, явно заинтересовавшись этим обменом репликами.

– Нам пора, Эмма, – сухо сказал Хардэйкр и обратился к Страйку: – Так я и знал, что тут найдется полно желающих на тебя поглазеть.

С этими словами он провел Страйка к себе в кабинет и плотно прикрыл дверь.

В помещении царил полумрак – главным образом из-за того, что окно выходило прямо на зубчатый скалистый утес. Интерьер оживляли фотографии детишек Хардэйкра и внушительная коллекция пивных кружек, а в остальном отделка повторяла все то, что Страйк увидел в коридоре: потертую ковровую дорожку и бледно-зеленые стены.

– Ну, так, Огги. – Хардэйкр посторонился, пропуская Страйка за свой рабочий стол. – Вот он, тут.

ОСР смог получить доступ к материалам трех других подразделений.

На монитор было выведено фото Ноэла Кемпбелла Брокбэнка, сделанное до знакомства с ним Страйка, до того как Брокбэнку раскроили узкую, вытянутую физиономию с синевой на подбородке, отчего у него на всю жизнь провалилась глазница и одно ухо сделалось больше другого. Страйк узнал его именно таким, с перекошенными чертами, как будто голову Брокбэнка зажимали в тиски.

– Распечатки делать нельзя, Огги, – сказал Хардэйкр, когда Страйк уселся в офисное кресло на колесиках, – но можешь щелкнуть экран на мобильный. Кофе?

– Давай чай, если есть. Вот спасибо.

Выйдя из кабинета, Хардэйкр так же тщательно прикрыл за собой дверь, и Страйк достал мобильник, чтобы сделать фотографии с монитора. Добившись приличного изображения, он проскролил материалы вниз и пробежал глазами полное досье Брокбэнка, обращая особое внимание на дату рождения и другие сведения личного характера.

Брокбэнк оказался одногодком Страйка, но появился на свет в день Рождества. Завербовавшись на военную службу, указал в качестве места проживания Бэрроу-ин-Фернесс. Незадолго до своего участия в операции «Грэнби» – больше известной широкой общественности как первая война в Персидском заливе – женился на вдове военнослужащего с двумя дочерьми, одну из которых звали Бриттани. Когда он служил в Боснии, у него родился сын.

Делая себе пометки, Страйк листал досье, пока не дошел до увечья, которое изменило жизнь Брокбэнка и положило конец его службе. Вернулся Хардэйкр, принес две кружки, и Страйк, не отрываясь от файла, пробормотал благодарность. В личном деле не упоминалось преступление, в котором обвинялся Брокбэнк; Страйк и Хардэйкр вели следствие на пару, и оба остались при своем убеждении: Брокбэнк виновен. Тот факт, что он сумел уйти от правосудия, не давал покоя Страйку на протяжении всей его армейской карьеры. В память ему врезалось выражение лица Брокбэнка, с которым тот бросился на него с «розочкой» из пивной бутылки: какое-то дикое, кошачье. Роста он был примерно такого, как Страйк, а то и выше. Когда Страйк точным ударом отбросил его на стену, грохот раздался, по словам Хардэйкра, такой, будто в казарму врезался автомобиль.

– Как я посмотрю, нехилую военную пенсию получает, – пробормотал Страйк, выписывая названия тех населенных пунктов, куда переводили пенсию после увольнения Брокбэнка из армии.

Сначала Брокбэнк отправился домой, в Бэрроу-ин-Фернесс. Затем в Манчестер, но менее чем на год.

– Ха! – вполголоса выговорил Страйк. – Значит, это все же был ты, ублюдок.

Из Манчестера Брокбэнк перебрался в Маркет-Харборо и, наконец, вернулся в Бэрроу-ин-Фернесс.

– Харди, а здесь что?

– Заключение психиатра, – ответил Хардэйкр, который, сидя на низком табурете у стены, занимался своими файлами. – Это не для твоих глаз. Ума не приложу, как я мог там его оставить. Вопиющая халатность.

– Вопиющая, – согласился Страйк, открывая файл.

Впрочем, в психиатрическом заключении он не нашел для себя почти ничего нового. При госпитализации выяснилось, что Брокбэнк подвержен алкоголизму. Среди психиатров не наблюдалось единодушия в вопросе о том, какие симптомы его заболевания вызваны алкоголем, какие – посттравматическим стрессом, а какие – черепно-мозговой травмой. Страйку пришлось погуглить ряд терминов: *афазия* – полная или частичная утрата речи, трудность в подборе слов; *дизартрия* – расстройство произносительной организации речи; *алекситимия* – неспособность пациента называть эмоции, переживаемые им самим. Как нельзя кстати была для Брокбэнка забывчивость. Насколько сложно было бы ему симулировать некоторые из этих классических симптомов?

– Они одного не учитывают, – сказал Страйк, который сохранял приятельские отношения с несколькими людьми, получившими черепно-мозговые травмы, – что это прежде всего редкостный говнюк.

– Точно, – подтвердил из-за своего монитора Хардэйкр, потягивая кофе.

Страйк закрыл файлы Брокбэнка и принялся за Лэйнга. С фотографий смотрел именно тот «погранец», который запомнился Страйку: двадцатилетний, широкий в плечах, бледный, с низко заросшим лбом и темными хорьковыми глазками. Страйк хорошо помнил подробности армейской службы Лэйнга, которую сам же прервал. Записав себе адрес Лэйнговой матери в Мелроузе, он пробежал глазами остальные материалы, а потом открыл прикрепленное психиатрическое заключение.

...выраженные признаки социопатии и пограничной психопатии... может представлять опасность для окружающих...

От громкого стука в дверь Страйк вскочил, поспешно закрыв файлы с личными делами. Хардэйкр даже не успел встать, как в кабинет ворвалась свирепого вида женщина в юбке и жакете.

– По Тимпсону что-нибудь для меня готово? – рявкнула она Хардэйкру и бросила подозрительный взгляд на Страйка: тот заключил, что она проинформирована о его приходе.

– Ну, я пошел, Харди, – сразу сказал он. – Рад был повидаться.

Хардэйкр скупой представил его уоррент-офицеру, без лишних слов очертил историю их знакомства и вышел проводить Страйка.

– Сегодня я тут допоздна, – сказал он, когда они за дверью пожали друг другу руки. – Звони, когда станет ясно, в котором часу вернешь тачку. Счастливо тебе.

Осторожно спускаясь по каменной лестнице, Страйк невольно думал, что мог бы и сам

служить здесь, рядом с Хардэйкром, подчиняясь привычному распорядку и требованиям Отдела специальных расследований. Командование было согласно оставить его на службе, даже после ампутации. Он никогда не жалел о своем решении комиссоваться, но от этого краткого, неожиданного погружения в прежнюю жизнь на него накатила тоска.

Он вышел на слабый солнечный свет, пробивавшийся сквозь разрыв в облаках, и, как никогда остро, ощутил перемену своего статуса. Да, он теперь волен не подчиняться дурацким приказам, не обязан протирать штаны в этом офисе на скалистом утесе, но из-за этого лишен тех возможностей и перспектив, которые дает британская армия. Сейчас он остался один на один с делом, которое грозило зайти в тупик. Его оружием в борьбе с тем, кто прислал Робин отсеченную женскую ногу, была лишь пара-тройка адресов.

Where's the man with the golden tattoo?

Blue Öyster Cult. «Power Underneath Despair»^[31]

Как и предвидел Страйк, поездка на «мини», как ни регулируй сиденье, обернулась сущим мучением. На педаль газа приходилось давить левой ногой, а это требовало неловких акробатических телодвижений в весьма ограниченном пространстве. Только вырвавшись за пределы шотландской столицы и встав на трассу А7 до Мелроуза, он почувствовал, что может наконец-то отвлечься от водительских ухищрений, чтобы обратиться мыслями к рядовому Дональду Лэйнгу из Королевских собственных пограничных войск, с которым впервые встретился одиннадцать лет назад на боксерском ринге.

Встреча состоялась вечером, в холодном, неприветливом, плохо освещенном спортзале, под рев пятисот солдатских глоток. Тогдашний представитель Королевской военной полиции капрал Корморан Страйк, в отличной форме, настроенный, накачанный, на двух сильных ногах, был готов проявить себя на турнире родов войск по боксу. У Лэйнга в зале оказалось примерно втрое больше болельщиков, чем у Страйка. Ничего личного: военная полиция была в принципе непопулярна. Под конец удачного турнирного дня все жаждали увидеть, как Красную Шапку отправят в нокаут. В программе этот матч тяжеловесов стоял последним. Зрительский рев отдавался в венах обоих бойцов вторым пульсом. Противник запомнился Страйку маленькими черными глазками и коротким ежиком волос цвета темно-рыжей лисицы. А еще – татуировкой желтой розы во все левое предплечье. Шея у Лэйнга была намного шире узкой челюсти, бледная, безволосая грудь смотрелась как мраморный бюст Атласа, а на незагорелых бицепсах и плечах комариными укусами выделялись веснушки. Четыре раунда не выявили победителя: более молодой соперник, возможно, двигался быстрее, Страйк был техничнее. В пятом Страйк после отбива удара сделал ложный выпад в лицо сопернику, а затем нанес ему удар по почкам и отправил его в нокдаун. Настроенная антистрайковски часть публики притихла, когда Лэйнг растянулся на ринге, но потом затрубила, как стадо слонов. Лэйнг поднялся на ноги при счете «шесть», но, как видно, забыл на холщовом полу некоторые правила самодисциплины. Бил открытой перчаткой, не спешил прекращать атакующие действия по команде «брейк», за что получил строгое замечание от рефери; нанес удар после гонга; схлопотал второе предупреждение.

Через минуту после начала шестого раунда Страйк сумел найти брешь в рассыпающейся технике Лэйнга, у которого уже кровил нос, и бросил его на канаты. Когда рефери развел их в стороны и дал команду продолжать, Лэйнг забыл последние приличия и попытался нанести удар головой. Рефери попытался вмешаться, но Лэйнг как с цепи сорвался: Страйк чудом избежал удара ногой в пах, а во время клинча почувствовал, как ему в щеку вгрызаются зубы. Крики судьи, старавшегося унять хулигана, доносились до Страйка неразборчиво, зал неловко затих от зрелища такого звериного бешенства Лэйнга, а тот как ни в чем не бывало собрался с силами и замахнулся, но Страйк успел увернуться и жестко ударил Лэйнга под дых. Лэйнг сложился пополам, задохнулся и упал на колени. Страйк, с окровавленной щекой, ушел с ринга под редкие аплодисменты.

В турнире родов войск он занял второе место, уступив какому-то сержанту-десантнику,

а через две недели его перевели из Олдершота, но перед тем до него дошли слухи, что Лэйнг сидит в казарме под домашним арестом за нарушение спортивной этики и хулиганское поведение на ринге. Наказание вполне могло быть и строже, но, по слухам, командование учло смягчающие обстоятельства: он наплел, что вышел на ринг в глубоком смятении чувств, так как у его невесты случился выкидыш.

Даже тогда, за много лет до того, как новые факты о Лэйнге привели Страйка в позаимствованной малолитражке на эту пригородную дорогу, он не поверил, что у такого животного, как Лэйнг, хоть что-то шевельнется под бледной, безволосой кожей из-за мертвого эмбриона. Когда Страйк уезжал за рубеж, у него на щеке еще оставались следы Лэйнговых резцов. Через три года Страйка вызвали на Кипр для расследования дела о предполагаемом изнасиловании. Войдя в допросную, он вторично столкнулся лицом к лицу с Дональдом Лэйнгом, который прибавил в весе, сделал пару новых наколок и густо покрылся веснушками под кипрским солнцем. Глубоко посаженные черные глазки подчеркивала сетка морщин. Стоило ли удивляться, что адвокат Лэйнга дал отвод следователю, которого некогда укусил его подзащитный, поэтому Страйк поменялся с одним сослуживцем, расследовавшим на Кипре дело о незаконном обороте наркотиков. Через неделю Страйк договорился посидеть в баре с этим сослуживцем и с удивлением узнал, что тот склонен верить Лэйнгу: якобы у него и предполагаемой жертвы, местной официантки, по пьяни случился неуклюжий, но вполне добровольный секс, о чем она теперь жалела, поскольку ее дружок прознал, как она уходила с работы вместе с Лэйнгом. Свидетелей предполагаемого преступления не нашлось, но, со слов официантки, он принудил ее к сексу под угрозой ножа. «Типичная шлюшка», – высказался коллега Страйка из Отдела специальных расследований. У Страйка не было оснований спорить, но он не забыл, как Лэйнг в свое время добился сочувствия одного из командиров после вопиющего хулиганства и нарушения субординации на глазах у сотен свидетелей. Когда же Страйк захотел услышать подробности рассказа и манеры Лэйнга, коллега охарактеризовал его как сообразительного, симпатичного парня с мрачноватым чувством юмора.

«Дисциплина, конечно, хромает, – добавил он, показывая, что ознакомился с личным делом Лэйнга, – но насильника я в нем не вижу. Женат на своей землячке, она и сейчас рядом с ним».

Страйк вернулся к своему делу о незаконном обороте наркотиков. Пару недель спустя, когда он отпустил быстро растущую бороду, чтобы придать себе «штатский вид», как говорили у них в армии, ему случилось забрести в один дымный сарай и, лежа на голых половицах, выслушать странный рассказ. Укуренный молодой киприот-наркоторговец, купившийся на неряшливый вид Страйка, библейские сандалии, вытянутые шорты и бесчисленные фенечки на толстом запястье, ни на минуту не заподозрил в своем собеседнике агента британской военной полиции. Когда они лежали бок о бок с косячками в руках, собеседник Страйка выболтал несколько имен военнослужащих, развернувших на острове торговлю, причем не только травкой. Парень говорил с сильным акцентом, и Страйк с трудом запоминал искаженные варианты то ли фамилий, то ли прозвищ и не сразу связал имя «Даналланг» со знакомым ему лицом. И только когда его собеседник упомянул, как «Даналланг» связывает и истязает свою жену, Страйк распознал в «Даналланге» Дональда Лэйнга. «Бешеный, – отрешенно повторял волоокий парнишка. – А все за то, что она уехать хотела». В результате осторожных, как бы незначащих расспросов киприот признался, что слышал эту историю от самого Лэйнга. Тот якобы рассказал ее

отчасти для смеха, а отчасти – чтобы показать, с кем собеседник имеет дело.

Когда Страйк на другой день вернулся в Сифорт-Истейт, район плавился на полуденном солнце. Побеленные и слегка облезлые дома были самым старым на всем острове жильем для семейных военнослужащих. Он решил навеститься туда в те часы, когда Лэйнг, благополучно отвертевшийся от обвинений в изнасиловании, был на службе. Позвонив в дверь, Страйк услышал только приглушенные младенческие крики.

– Мы считаем, у нее агорафобия, – доложила сплетница-соседка, которая выскочила поделиться своим мнением. – Что-то с ней не так. Уж очень застенчивая.

– А что ее муж? – поинтересовался Страйк.

– Донни? Ой, да это же душа-человек! – оживилась соседка. – Слышали бы вы, как он изображает капрала Оукли! Умора! До чего забавно!

Вход в жилище военнослужащего без его личного разрешения регламентировался множеством правил. Страйк постучался в дверь, но ответа не было. Младенец не умолкал. Пришлось обойти дом сзади. Все занавески были задернуты. Страйк постучал в дверь черного хода. Бесплезно. В оправдание своих действий он мог бы сказать только одно: детский плач. Но начальство могло и отместить такую причину несанкционированного проникновения в жилище. Страйк скептически относился к разговорам насчет шестого чувства или интуиции, но его не покидала уверенность, что здесь дело нечисто. Он нутром чуял ненормальность и зло. Еще в детстве он посмотрелся такого, что, по мнению многих, бывает только в кино. Со второго толчка плечом дверь распахнулась. В кухне стояла вонь. Мусорное ведро не выносили давным-давно. Страйк шагнул в дом.

– Миссис Лэйнг?

Ответа не последовало. Слабый детский крик доносился сверху. Поднимаясь по лестнице, Страйк продолжал окликать хозяйку дома. Дверь в спальню стояла нараспашку. Из полутемной комнаты шел удушающий запах.

– Миссис Лэйнг?

Совершенно голая, привязанная за одно запястье к изголовью, она была кое-как накрыта окровавленной простыней. Рядом на матрасе в одном подгузнике лежал ребенок. Страйк сразу отметил его нездоровый, изможденный вид.

Он бросился к женщине, чтобы освободить ее, одной рукой нащупывая мобильный для вызова «скорой», но его остановил надтреснутый голос:

– Нет... уходи... убирайся...

Страйку нечасто приходилось быть свидетелем такого страха. В своем бездушии муж стал казаться миссис Лэйнг едва ли не потусторонним существом. Даже когда Страйк распутывал узлы на ее кровавом, опухшем запястье, она молила о пощаде. Муж пригрозил ее убить, если к его приходу ребенок не утомонится. Женщина, казалось, была не в состоянии представить будущее, кроме как через призму всевластия мужа.

За то, что Лэйнг сотворил со своей женой, его на основании показаний Страйка приговорили к шестнадцати годам тюрьмы. До последнего Лэйнг все отрицал, твердил, что жена сама привязала себя к кровати, что ей это всегда нравилось, поскольку она извращенка, не способна заботиться о ребенке, задумала упечь собственного мужа – и вообще все это подстава. Большой грязи Страйк, пожалуй, не помнил. Почему-то память вернула его к тем событиям именно сейчас, когда он ехал на «мини» среди крутых зеленых склонов, поблескивающих под набирающим силу солнцем. Этот пейзаж был ему незнаком.

Гранитные глыбы, вздымающиеся холмы отличались особым величием в своей обнаженной бескрайности. В детстве Страйк мог часами просиживать на берегу, смакуя соленый воздух: но здесь леса смыкались с рекой, и это слияние оказывалось более таинственным и загадочным, чем виды Сент-Моза, где на подходе к пляжу толпились живописные домики, а в воздухе витали старинные легенды о контрабандистах.

Миновав эффектный виадук справа от трассы, Страйк задумался о психопатах, которых встретишь везде: не только в беднейших кварталах, трущобах и сквотах, но даже здесь, среди этих безмятежных красот. Такие, как Лэйнг, сродни крысам: ты знаешь, что они вездесущи, но не берешь в голову, пока не столкнешься с ними нос к носу.

По бокам от дороги, как часовые, возникли два миниатюрных каменных замка. Под слепящим солнцем Страйк въезжал в родной городок Лэйнга.

*So grab your rose and ringside seat,
We're back home at Conry's bar.*

Blue Öyster Cult. «Before the Kiss»^[32]

За стеклянной дверью лавчонки на главной улице висело кухонное полотенце. На нем черными контурами изображались местные достопримечательности, но взгляд Страйка приковали стилизованные чайные розы – точно такая же некогда красовалась на мощном предплечье Дональда Лэйнга. Подойдя ближе, он прочел напечатанный по центру стишок:

It's oor ain toon
It's the best toon
That ever there be:
Here's tae Melrose,
Gem o' Scotland,
The toon o' the free^[33].

Машину он оставил на стоянке у аббатства, чьи темно-кирпичные арки вырисовывались на фоне бледного неба. Вдали, к юго-востоку, виднелся прибавлявший изысканности и драматизма здешним видам трехглавый пик горы Эйлдон-Хилл, который Страйк отметил для себя на карте. Он взял в ближайшей кофейне рулет с беконом и съел за выносным столиком на открытом воздухе, потом выкурил сигарету и выпил вторую за день чашку крепкого чая, после чего можно было отправляться пешком на поиски некоего места под названием *Wynd*, которое Лэйнг шестнадцать лет назад, при поступлении на военную службу, указал как постоянное место жительства. Знать бы еще, думал Страйк, как это произносится: то ли Уинд, то ли Уайнд?

В солнечном свете маленький городок выглядел вполне процветающим. Страйк неторопливо шел по сбегавшей вниз главной улице в направлении центральной площади, где в цветочном вазоне высилась колонна, увенчанная единорогом. Единственный круглый камень мощеного тротуара увековечивал римское название «Тримонтиум»: Страйк догадался, что оно призвано отсылать к трехглавой горе.

Уинд он, похоже, прошел. Судя по карте в его мобильном, та улица должна была отходить от главной. Пришлось повернуть назад и найти справа узкий проход между двумя стенами, куда едва мог протиснуться пешеход. Эта щель вела в сумрачный внутренний двор. Старый семейный дом Лэйнгов сверкал ярко-голубой входной дверью, к которой поднималась короткая лесенка.

На стук почти сразу вышла миловидная темноволосая женщина, слишком молодая, чтобы приходиться Лэйнгу матерью. Когда Страйк объяснил цель своего приезда, она живо откликнулась, и разговор ее показался Страйку даже приятным:

– Миссис Лэйнг? Да она уж лет десять как съехала, если не больше.

Не успел Страйк огорчиться, как она добавила:

– На Динглтон-роуд теперь живет.

– На Динглтон-роуд? Это далеко?

– Да прямо по дороге. – Она указала себе за спину, направо. – А вот номер дома не скажу, простите.

– Ничего страшного. Спасибо, что подсказали.

Когда Страйк возвращался через ту же грязноватую щель на главную улицу, ему пришлось в голову, что, не считая брани, которую молодой солдат бормотал ему в уши на боксерском ринге, он никогда не слышал, как Дональд Лэйнг разговаривает. Все еще работая под прикрытием по делу о незаконном обороте наркотиков, Страйк не мог позволить, чтобы его заметили с этой бородой у входа в штаб, поэтому Лэйнга после ареста допрашивали другие. Позднее, успешно раскрутив дело о наркотиках и сбрив бороду, Страйк давал показания против Лэйнга в суде, но когда тот, в свою очередь, стал отрицать, что связывал и истязал жену, самолет уже мчал Страйка прочь с Кипра. Пересекая рыночную площадь, Страйк спрашивал себя: не из-за местного ли говора люди охотно верили Донни Лэйнгу, прощали ему все грехи, относились к нему с симпатией? Сыщик где-то читал, что шотландский акцент используют в рекламе, чтобы подчеркнуть цельность характера и честность.

Единственный замеченный Страйком паб находился немного дальше по улице, которая вела на Динглтон-роуд. Создавалось впечатление, что Мелроуз питает слабость к желтому цвету: на фоне оштукатуренных стен в глаза бросались кислотно-лимонные с черным створки двери и единственная оконная рама. Страйка, родившегося в Корнуолле, особенно повеселило в этом очень далеком от моря городке название «Портовая таверна». Он двинулся дальше вдоль по Динглтон-роуд, которая змеилась под виадуком, превращалась в крутой подъем, а вдаль и вовсе исчезала из виду. «Недалеко» – понятие относительное, как не раз отмечал Страйк, потеряв ногу. После десятиминутного подъема он пожалел, что не вернулся на парковку за «мини». Дважды он спрашивал встречавшихся на пути милых и приветливых женщин, не знают ли они, где живет миссис Лэйнг, но ответа не получил. Покрываясь потом, он шагал мимо ряда одноэтажных белых домиков и увидел старика в твидовой кепке, гулявшего с черно-белой шотландской овчаркой.

– Извините, – окликнул его Страйк, – вы, случайно, не знаете, где тут живет миссис Лэйнг? Я номер дома забыл.

– Мессес Лэйнг? – переспросил собачник, разглядывая Страйка из-под густых бровей цвета перца с солью. – Как не знать, это ж суседка моя.

Слава богу.

– Через три дома, – старик ткнул пальцем, – где каменный кулодец.

– Большое вам спасибо, – сказал Страйк.

Сворачивая на подъездную дорожку перед домом миссис Лэйнг, он краем глаза заметил, что старик не сходит с места и провожает его взглядом, хотя собака рвется вниз по склону.

Домик миссис Лэйнг оказался чистым и респектабельным. На лужайке и клумбах поселились каменные зверюшки диснеевского типа. Входная дверь была сбоку, в тени. Только потянувшись к дверной колотушке, Страйк сообразил, что через считанные секунды может столкнуться лицом к лицу с Дональдом Лэйнгом.

Он постучал; прошла примерно минута. Старичок-собачник, повернувшись назад, остановился у калитки миссис Лэйнг и беззастенчиво наблюдал. Страйк подумал,

что старикан заподозрил неладное при виде здорового чужака и решил проверить, не замышляет ли тот какое-нибудь злодейство, но дело обстояло иначе.

– Дома она, – сообщил старик, когда Страйк раздумывал, не пора ли постучаться еще раз. – Только скуженная.

– Как вы сказали? – не разобрал Страйк и постучался вторично.

– Скуженная. Шалая. – Собачник приблизился на пару шагов. – Из ума выжила, – перевел он для англичанина.

– А-а... – До Страйка дошло.

В дверях показалась крошечная, усохшая старушка, с лицом землистого цвета, одетая в синий халат. Она полоснула Страйка снизу вверх безадресной злобой. Из старческого подбородка торчали жесткие волосины.

– Миссис Лэйнг?

Она молча буравила чужака хорошо знакомыми ему, некогда черными, хорьковыми глазками.

– Миссис Лэйнг, я разыскиваю вашего сына Дональда.

– Нету! – выкрикнула она с неожиданной горячностью. – Нету!

Попятилась и захлопнула дверь.

– Холера те в бок, – пробормотал себе под нос Страйк, невольно вспоминая Робин: уж она-то сумела бы подобрать ключ к строптивой старушонке.

Он медленно развернулся, пытаясь сообразить, с кем бы можно было побеседовать в Мелроузе (на *192.com* ему определенно попадались другие Лэйнги), и едва не налетел на собачника, который прошел вслед за ним по дорожке и весь лучился осторожным любопытством.

– А ведь вы сыщик, – сказал он. – Тут самый, что сынка ее упек.

Страйк поразился, что его узнал совершенно незнакомый старик-шотландец. Когда дело доходило до нужных знакомств, его, с позволения сказать, слава имела очень бледный вид. Он ежедневно расхаживал инкогнито по улицам Лондона и почти никогда не ассоциировался в людском сознании с газетными репортажами о громких расследованиях, разве что его прилюдно окликал кто-то из знакомых или упоминал его имя в связи с каким-нибудь делом.

– Ну надо ведь! – разволновался старик. – Мы с благуверной моей приятельствуем с Маргарет Беньян. – Видя замешательство Страйка, он пояснил: – С матерью Роны.

Покопавшись в своей необъятной памяти, Страйк извлек сведения о том, что жену Лэйнга, ту самую, что лежала, привязанная к кровати, под окровавленной простыней, звали Рона.

– Как Маргарет увидела вас в газетах, она сразу так нам и скузала: «Вот же он, который нашу Рону спас!» Вы свую работу честно сделали, правда ведь? Фу, Валли! – громко приструнил он не в меру бойкую колли, тянущую его гулять. – Ой, да, Маргарет утслеживает все, что про вас пишут, все статьи. Это ведь вы тогда нашли убийцу девушки-манекенщицы... и писателя того излублили! Маргарет никуда не забудет, что вы для ее дочки сделали, никуда.

Страйк пробормотал что-то нечленораздельное, надеясь, что это сойдет за признательность в адрес благодарной Маргарет.

– А кукие у вас дела со старой миссис Лэйнг? Не иначе как он еще что-то отчебучил, Донни, точно?

– Да вот пытаюсь его разыскать, – уклончиво ответил Страйк. – Не знаете, он, случаем,

не вернулся в Мелроуз?

– Врать не буду, но, по моему разумению, тут его нет. Приезжал он пару лет назад мамашу пруведать, а с той поры носу не кажет. Город-то маленький: кабы Донни Лэйнг приехал, уж мы бы знали, а то как же?

– А как вы считаете, миссис... Беньян – я правильно помню? – не согласилась бы...

– Да ей счастье с вами пузнакомиться, – взволнованно проговорил старик. – Нет, Валли, – обратился он к собаке, тянувшей его за калитку. – Хутите, я с ней сузвунюсь? Она в Дарнике живет, в суседней деревне. Что скажете?

– Вы меня очень выручите.

Страйк зашел вместе со стариком в соседний дом и подождал в безупречной чистоте маленькой гостиной, пока хозяин с придыханием говорил что-то в трубку под недовольный скулеж собаки.

– Она сама подъедет, – сообщил старик, прикрывая трубку ладонью. – Вы не возражаете прямо тут пубеседовать? Милости просим. Жена чай пудаст...

– Спасибо, но у меня еще дела есть, – выдумал Страйк, не надеясь на полезную беседу в присутствии этого говорливого свидетеля. – Вам не трудно узнать: быть может, у нее найдется время пообедать со мной в «Портовой таверне»? Скажем, через час?

Неугомонность колли склонила чашу весов в пользу Страйка. Мужчины вышли из дома и двинулись обратно. Собака так натягивала поводок, что Страйку приходилось идти под гору быстрее, чем было для него комфортно. Только на подходе к рыночной площади он вздохнул с облегчением, когда смог распрощаться со своим новым знакомцем. Старик оживленно помахал и направился к реке Твид, а Страйк, теперь слегка прихрамывая, спустился дальше по главной улице, чтобы убить время до обеда.

У подножья холма он заметил еще один всполох кислотно-желтого с черным и понял, откуда взялись эти цвета на фасаде «Портовой таверны». Не обошлось здесь и без чайной розы: вывеска сообщала о местонахождении городского регби-клуба. Засунув руки в карманы, Страйк остановился перед низким парапетом и стал разглядывать ровное, бархатистое голубовато-зеленое поле, окруженное деревьями, сверкающие под солнцем желтые регбийные столбики, трибуны справа, мягко-волнистые холмы вдаль. Поле обихаживалось с благоговением, как святое место; для такого маленького городка это было невероятно впечатляющее спортивное сооружение.

Глядя поверх бархатистой травы, Страйк вспомнил Уиттекера, вонючего, дымящего сигаретой в углу сквота, и лежащую рядом с ним Леду, которая раскрыв рот слушала его бредни, доверчивая и голодная, словно птенец, готовая, как сейчас понимал Страйк, проглотить любую чушь, которую нес Уиттекер о своей тяжелой жизни. В глазах Леды школа «Гордонстаун» мало чем отличалась от тюрьмы «Алькатрас»: стоило ли удивляться, что ее утонченного поэта выгоняли на улицу под дождем среди суровой шотландской зимы, толкали, вываливали в грязи. «Милый, зачем же регби... О, бедный малыш... тебя заставляли играть в регби!»

А когда семнадцатилетний Страйк (у которого вздулась разбитая на ринге губа) тихо фыркнул над своими тетрадками, Уиттекер вскочил и заорал мерзким голосом: «Я тебе посмеюсь, тупица!»

Уиттекер не терпел, когда над ним смеялись. Ему было потребно – нет, необходимо как воздух – преклонение; страх и даже ненависть он считал показателями своей власти, но насмешка указывала ему на превосходство других, а потому была невыносима.

«Попляшешь у меня, гнида тупая! Дослужился, видишь ли, до старости, командир дебилов. Заставь его богатенького папашку денег дать, – переключался он на Леду, – отправим этого гаденыша в „Гордонстаун“!»

«Успокойся, милый! – приговаривала Леда и, напустив на себя строгий вид, требовала: – Не смей, Корм!»

Страйк встал из-за стола и принял стойку, готовый – нет, даже твердо решивший – дать по морде Уиттекеру. Оставался последний шаг, но мать, вклинившись между ними, развела их в стороны своими хрупкими, со множеством колечек руками.

Страйк поморгал, и яркое, залитое солнцем игровое поле, место невинных и волнующих состязаний, обрело прежнюю четкость. В нос ударил запах листьев, травы и теплого асфальтового шоссе. Медленно развернувшись, Страйк направился в сторону «Портовой таверны», чтобы поскорее выпить, но предательское подсознание еще не закончило свою работу.

Вид этого гладкого регбийного поля вызвал еще одно воспоминание: на него несется черноволосый, черноглазый Ноэл Брокбэнк, с «розочкой» из пивной бутылки в руке. Брокбэнк был массивен, мощен и быстр: крайний нападающий. Страйк помнил, как занес кулак, выстрелил им вдоль зазубренного бутылочного горлышка, как впечатал удар в тот самый миг, когда зазубрина коснулась его шеи...

Перелом основания черепа – так сказали медики. Кровотечение из уха. Тяжелая черепно-мозговая травма.

– Йопта, йопта, йопта, – бормотал Страйк в такт своим шагам.

Лэинг, вот кто тебе нужен. Лэинг.

Под металлическим галеоном с ярко-желтыми парусами Страйк вошел в дверь «Портовой таверны». Вывеска внутри гласила, что это единственный паб в Мелроузе.

Обстановка сразу подействовала на него благотворно: теплые цвета, сверкающее стекло, надраенная латунь; ковер с приглушенным коричнево-красно-зеленым лоскутным рисунком, натуральный камень стен. Повсюду – свидетельства спортивного помешательства местных жителей: черные доски с расписанием предстоящих матчей, несколько огромных плазменных экранов, а над писсуаром (которым Страйк охотно воспользовался после многочасового воздержания) – маленький, вмонтированный в стену телевизор, на случай если пузырь переполнится в критический момент игры.

Помня про обратную дорогу до Эдинбурга в неудобном хардэйкровском «мини», Страйк взял себе полпинты «Джона Смита», устроился на кожаном диване лицом к стойке и приступил к изучению заламинированного меню в надежде на пунктуальность Маргарет Беньян – он только что осознал, как сильно проголодался.

Она появилась буквально через пять минут. Хотя он уже забыл, как выглядела ее дочь, а саму миссис Беньян не видел ни разу в жизни, она с порога выдала себя выражением лица – настороженным и вместе с тем ищущим. Страйк поднялся из-за стола, и она неверной походкой двинулась вперед, обеими руками сжимая ремешок большой черной сумки.

– Значит, это действительно вы, – задыхаясь, выговорила женщина.

Лет шестидесяти, невысокая, хрупкая, очки в металлической оправе, плотные кудряшки химической завивки.

Страйк протянул большую ладонь и пожал слегка дрожащую, холодную, узкую женскую руку.

– Ее отец сегодня в Хэвике, прийти не сможет, но я ему звонила, он просил передать:

мы никогда не забудем того, что вы сделали для Роны, – на едином дыхании проговорила она и села на диван рядом со Страйком, не сводя с него благоговейно-тревожного взгляда. – И никогда не забывали. Мы читаем все, что пишут о вас в газетах. Как мы переживали, когда вы потеряли ногу! А уж то, что вы сделали для Роны... То, что вы сделали... – Ее глаза вдруг наполнились слезами. – Уж как мы были...

– Я тоже рад, что сумел...

Найти ее ребенка голым на окровавленной простыне? Разговоры с родственниками жертв о том, что пережили их любимые, были самой тягостной частью его работы.

– ...оказать ей помощь.

Миссис Беньян высморкалась в платочек, извлеченный со дна черной сумки. Страйк понимал: она принадлежит к тому поколению женщин, которые не имеют привычки заходить в паб, а тем более покупать за стойкой спиртное, если с ними нет мужчины, способного взять на себя эту тягостную обязанность.

– Позвольте, я для вас что-нибудь закажу.

– Только апельсиновый сок, – всхлипнула она, промокая глаза.

– А из еды? – настаивал Страйк, мечтавший взять себе пикшу в пивном кляре и жареный картофель.

Оставив бармену заказ, он вернулся к миссис Беньян, и она спросила, что привело его в Мелроуз, разом выдав причину своей нервозности:

– Он ведь не вернулся? Донни? Или вернулся?

– Насколько я знаю – нет, – ответил Страйк. – Его местонахождение мне неизвестно.

– Как по-вашему, он имеет какое-то отношение... – Голос ее упал до шепота. – Мы прочли в газете... мы увидели... что кто-то прислал вам... прислал...

– Я вас понял, – сказал Страйк. – Не знаю, имеет ли он к этому какое-нибудь касательство, но хотелось бы его найти. Мне представляется, что после освобождения он заезжал сюда проведать мать.

– Ну, это лет пять назад было, – сказала Маргарет Беньян. – Появился на пороге, силой ворвался в дом. Это сейчас у нее Альцгеймер. А тогда она не смогла его остановить. Хорошо, соседи позвали его братьев, те собрались и его вышвырнули.

– Подумать только.

– Донни – самый младший. У него четверо братьев. С ними со всеми, – добавила миссис Беньян, – шутки плохи. Джейми в Селькирке живет, так он примчался как ураган, чтобы Донни от материнского дома отвадить. Говорят, отмутил его до потери сознания.

Сделав дрожащими губами крошечный глоток сока, она продолжила:

– Мы об этом понаслышке знаем. Друг наш, Брайан, с которым вы сегодня познакомились, сам видел на улице драку. Четверо на одного, все орут, горланят. Кто-то вызвал полицию. Джейми получил предупреждение. Да с него как с гуся вода, – рассказывала миссис Беньян. – Братя к себе его, Донни то есть, на пушечный выстрел не подпускали, а к матери тем более. Выгнали его из города... Я тогда перепугалась, – продолжала она. – За Рону. Он всегда грозился, что после освобождения ее отыщет.

– И отыскал? – спросил Страйк.

– А то как же, – тоскливо ответила Маргарет Беньян. – Мы знали, что он свою угрозу выполнит. Рона переехала в Глазго, нашла работу в турагентстве. И все равно он ее выследил. Полгода она жила в страхе, что он появится, – так оно и вышло. Пришел вечером к ней в квартиру. Правда, нездоровилось ему. Не то что раньше.

– Нездоровилось? – резко встрепенулся Страйк.

– Не помню, что у него было, артрит что ли, да и Рона подтвердила, что разнесло его. Выследил он ее, стало быть, и вечером приперся, но, слава богу, – истово вставила миссис Беньян, – с нею жених ее был. Беном зовут, – добавила она, и ее бледные щеки зарделись торжествующим румянцем, – и он полицейский.

Она сообщила об этом так, словно считала, что Страйку приятно будет послушать историю про человека из своего великого сыскного братства.

– Сейчас-то они женаты, – продолжала миссис Беньян. – Деток только нет, потому что... ну вы сами знаете...

Внезапно у нее из-под очков хлынули слезы. Перед ней ожил кошмар тех давних дней, будто на стол перед ними вывалили ведро помоев.

– ...Лэйнг в нее нож воткнул, – прошептала миссис Беньян.

Она исповедовалась ему, как врачу или священнику, открывая гнетущие тайны, какими не поделиться с подругами, а он уже знал худшее. Когда Маргарет Беньян вновь стала рыться в сумке в поисках носового платка, Страйк вспомнил пятна крови на простынях, содранную кожу на запястье. Слава богу, мать не могла заглянуть к дочери в голову.

– Он нож ей туда воткнул... они пытались... ну вы понимаете... лечиться... – Миссис Беньян судорожно всхлипнула; тут перед ними появились тарелки с едой. – Зато они с Беном всегда отпуск чудесно проводят, – отчаянно зашептала она, вытирая мокрые щеки и приподнимая очки, чтобы промокнуть глаза. – И стали заводчиками... заводчиками... немецких овчарок.

Даже проголодавшись, Страйк не сразу смог взяться за нож и вилку после разговора о судьбе Роны Лэйнг.

– Но у нее ведь был ребенок от Лэйнга? – спросил он, вспомнив слабый плач младенца рядом с истекающей кровью, обезвоженной матерью. – Ему сейчас должно быть... сколько?

– Он у... умер, – прошептала миссис Беньян, роняя капли с подбородка. – В младенчестве. С рождения слабеньким был. Это случилось через два дня после того, как Донни посадили. А Донни... Донни... позвонил ей из тюрьмы и сказал, что знает: это, мол, она ребенка убила... убила... а он выйдет и за это ее прикончит...

Страйк на мгновение положил свою широкую ладонь на плечо безутешной женщины, а потом встал из-за стола и направился к молоденькой барменше, наблюдавшей за ними с раскрытым ртом. Для такого сублильного создания, какое сидело с ним рядом, бренди был бы чересчур крепким, но тетя Джоан, к примеру, которая была лишь немногим старше миссис Беньян, всегда верила в целебные свойства портвейна. Страйк взял одну порцию и вернулся со стаканом к своей собеседнице:

– Вот, выпейте.

Наградой ему стали новые потоки слез, но после многократных утираний промокшим носовым платком она все же выдавила: «Вы очень добры» – и пригубила портвейна, моргая покрасневшими глазами и слегка всхлипывая.

– У вас есть какие-нибудь соображения, куда мог отправиться Лэйнг после появления у Роны?

– Да, есть, – прошептала она. – Бен навел справки по своим каналам, через службу контроля за УДО. Судя по всему, отправился он в Гейтсхед, только не знаю, надолго ли.

Гейтсхед. Страйку вспомнился Дональд Лэйнг, найденный по интернету. Значит, он перебрался из Гейтсхеда в Корби? Или это разные лица?

– Как бы то ни было, – заключила миссис Беньян, – к Роне с Беном он больше не совался.

– Еще бы, – сказал Страйк, берясь за нож и вилку. – Соваться туда, где полицейский и немецкие овчарки... он себе не враг.

Ее, вероятно, приободрили и утешили эти слова; с робкой, слезливой улыбкой она попробовала макароны с сыром.

– Они поженились совсем молодыми, – отметил Страйк, пытаясь собрать любые сведения, которые проливали бы свет на связи и привычки Лэйнга.

Маргарет Беньян кивнула, сглотнула и ответила:

– Слишком молодыми. Она стала с ним встречаться в пятнадцать лет, и мы, конечно, этого не одобряли. Про Донни Лэйнга разное болтали. Одна девочка говорила, что он взял ее силой на дискотеке юных фермеров. Это сошло ему с рук: полиция сочла, что улики недостаточно. Мы пытались Рону предостеречь, что он до добра не доведет, – вздохнула мать, – да только она еще сильнее упрямылась. Она у нас всегда своевольной была, Рона.

– Вы хотите сказать, что он уже обвинялся в изнасиловании? – уточнил Страйк.

Рыба с картофелем оказалась приготовлена отменно. Народу в пабе прибывало, чему Страйк был только рад, потому что они с миссис Беньян больше не привлекали внимания барменши.

– Вот именно. Семейка у них – не приведи господь, – сказала миссис Беньян с чопорным провинциальным снобизмом, который Страйк хорошо знал по собственному детству. – Эти братья – сплошное хулиганье, с полицией не в ладах, а Донни хуже всех. Родные братья его терпеть не могли. Да и мать недолюбливала, если честно. А еще ходили слухи, – в порыве откровенности добавила она, – что отец-то ему не родной. Родители вечно собачились, расходились, и где-то мать его нагуляла. Болтают, кстати, что с местным полицейским. Уж не знаю, правда это или нет. Полицейский куда-то переехал, а мистер Лэйнг в семью назад вернулся, но Донни всю жизнь шпынял, я точно знаю. На дух его не выносил. Говорят, знал, что Донни не от него. А парень крупный уродился. Прямо великан. Его в младшую семерку взяли...

– В семерку?

– В команду по регби, – пояснила эта хрупкая пожилая женщина, удивляясь, что священная страсть Мелроуза оказалась для Страйка пустым звуком. – Да только скоро выгнали. Дисциплину нарушал. А через неделю кто-то весь «Гринъярдз» изрыл. Стадион для регби, – добавила она в ответ на непостижимое уму невежество англичанина.

От портвейна у нее развязался язык. Речь полилась сплошным потоком.

– Тогда он в бокс переметнулся. Краснобай был первостатейный. Когда Рона с ним связалась – ей пятнадцать стукнуло, ему семнадцать, – многие мне говорили, что не такой уж он плохой парнишка. Да-да, – покивала она, заметив недоверие Страйка. – Кто его близко не знал, тот попадался на его удочку. Когда ему требовалось, он все свое обаяние в ход пускал, Донни Лэйнг. Вот поспрошайте Уолтера Гилкреста, какой он был обаятельный, Донни Лэйнг. Гилкрест уволил его со своей фермы за вечные опоздания – и что вы думаете? Кто-то ему после этого сарай поджег. А Донни опять вышел сухим из воды. И ведь его вины в порче стадиона тоже не нашли, о, я-то знаю, чему можно верить, а чему нет. Рона слушать ничего не хотела. Считала, она одна его видит в истинном свете, а другие не понимают и уж не знаю что. Дескать, все мы узколобые, против него настроены. Надумал он в армию завербоваться. Я про себя и говорю: скатертью дорожка. С глаз долой – из сердца вон. А он

вернулся. Обрюхатил ее, но ребеночка она потеряла. Рона тогда обиделась, потому как я сказала... – Маргарет Беньян осеклась, но Страйк и без того представлял, что она могла сказать. – Он тогда со мной разговаривать перестал, а она возьми да и выскочи за него, когда он повторно в отпуск приехал. Нас с отцом приглашения не удостоили, – сказала она. – А молодые на Кипр вместе уехали. Но я-то знаю: это он кошку нашу убил.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Я украду, что не спрячешь ты,
И, ты знаешь, никогда не повинюсь.
Ты моя с потрохами.
Я состою на службе зла.

(«На службе зла», слова Патти Смит) (англ.)

С альбома «Secret Treaties» (1974) группы Blue Öyster Cult. (Здесь и далее примеч. перев.)

«Это не лето любви» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Angels of Fortune» (1976).

Но с камнем в окошко поцелуй не влетит («Безумие в системе») (*англ.*). С альбома «Club Ninja» (1985). В названии песни – аллюзия к реплике Полония: «Хоть это и безумие, но в нем есть система» (*У. Шекспир. Гамлет. Акт II, сц. 2. Перев. А. Радловой*).

Жак Бургер (р. 1983) – регбист, капитан сборной Намибии; с 2009 г. играет за лондонский профессиональный клуб «Сарацины». В 2015 г. объявил об уходе из международного спорта после травмы в матче со сборной Грузии.

Полгероя в бессердечной игре («План Маршалла») *(англ.)*. С альбома «Cultösaurs Erectus» (1980).

«Созрел урожай всех тела частей – и рук, и ног, и лебязьих шей, что ниц упадут в мольбе своей» (англ.).

«Госпожа лососевой соли» *(англ.)*.

С альбома «Tyranny and Mutation» (1973).

Девчонка-Негашенка (*англ.*).

В Баре Четырех Ветров
Что ни рама – то засов
Нам открыта дверь одна,
Другая в ней отражена...

(«Астрономия») (англ.)

С альбома «Secret Treaties» (1974).

Чувство вины – ад («Месть Веры Джемини», слова Патти Смит) *(англ.)*. С альбома «Agents of Fortune» (1976).

Образ действия (*лат.*).

Разве это странно, что мой мозг в огне? («Телепаты жгут») *(англ.)*. С альбома «Secret Treaties» (1974).

«Голод приятен» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

Я вижу роз букет,
К ним тянусь – их уж нет.

(«Одинокие слезы») (англ.)

С альбома «Mirrors» (1979).

Spearmint Rhino – международная сеть стрип-клубов, существует с 1989 г.

«На шаг обгоним мы черта» (*англ.*) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

От быльи – без любви

(«Тень Калифорнии») (англ.).

С альбома «The Revolution by Night» (1983).

Неофициальное название небоскреба «Сент-Мэри-Экс, 30» в Лондоне.

Bell Foundry – старейшая действующая мануфактура в мире, выпускает колокола в течение почти шести веков. Именно здесь был, например, отлит в 1752 г. знаменитый Колокол свободы, возвестивший независимость США от Великобритании.

«ЛОЖЬ: Культ любви и террора» *(англ.)*.

Как же все легко снаружи,
С изнанки все не так забавно.

(«Это не лето любви») (англ.)

С альбома «Angels of Fortune» (1976).

...в кровавых письменах

(«Передоз жизни») (англ.).

С альбома «Tyranny and Mutation» (1973).

Распахнулся настезь мир иной

(«Распахнулся настезь мир иной») (англ.).

С альбома «Imaginos» (1988).

Grand National – всемирно известные скачки, которые ежегодно проводятся на ипподроме Эйнтри в Англии.

Хопалонг Кэссиди – вымышленный ковбой, впоследствии ставший героем американского фольклора, главный персонаж серии рассказов Кларенса Малфорда, публиковавшихся с 1904 г., затем – радиопередач и кинофильмов; с 1930-х гг. образ Хопалонга ассоциируется с актером Уильямом Бойдом.

Американское ар-эн-би-трио (1990–2005), в состав которого входили Бейонсе, Келли Роулэнд и Мишель Уильямс.

«ВЫЖИВШИЙ» (англ.).

Nowhere to turn (*англ.*) – некуда податься.

...ты думала, я пропаду,
Но я тебя, крошка, спорим, найду.

(«Представление начинается») (англ.)

С альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

Где тот тип с золотистой тату?

(«Сила, скрытая отчаянием») (англ.).

С альбома «Heaven Forbid» (1998).

Хватай свою розу – и за лучший стол.
Я как дома: в «Конриз-бар» зашел.

(«Перед поцелуем») (англ.)

С альбома «Blue Öyster Cult» (1972).

Строго говоря, эта песня называется «Before the Kiss, a Redcap», где *redcap* – это фольклорный персонаж, злой гоблин в шапке, красной от крови его жертв. Этим же словом в Англии называют военных полицейских.

Вот наш город,
Любимый наш город,
Пусть же он цветет вовек.
Пьем за Мелроуз,
Шотландии гордость,
Где свободен человек

(англ.).